

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ВЫПУСК №35

Российский химико-технологический
университет имени Д.И.Менделеева

МОСКВА
2011

**Исторический вестник
РХТУ
им. Д.И. Менделеева
№ 35 (2) 2011 г.**

*Учредитель
Российский
химико-технологический
университет
им. Д. И. Менделеева*

Жуков А.П. - отв. редактор,
Денисова Н.Ю. - отв. секретарь

Мнение редакции может не
совпадать с позицией
авторов публикаций

Перепечатка материалов
разрешается
с обязательной ссылкой
на «Исторический вестник
РХТУ им. Д. И. Менделеева»

Верстка *А. Ю. Ильин*
Обложка *А. В. Батов*

Отпечатано на ризогра-
фе. Усл. печ. л. 5,0.
Тираж 200 экз. Заказ

**Центр истории РХТУ
им. Д. И. Менделеева
и химической технологии**

Адрес университета:
125047 Москва,
Миусская пл., дом 9.
Телефон для справок
8-499-978-49-63
E-mail: mendel@muctr.ru

© Российский химико-тех-
нологический универси-
тет им. Д.И. Менделеева,
2011

Содержание

КОЛОНКА РЕКТОРАТА

К ЧИТАТЕЛЯМ ИСТОРИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА 3

МЕНДЕЛЕЕВЦЫ

ПРОФЕССОР, КОТОРЫЙ НЕ МОЛЧАЛ
О профессоре Пестове Н.Е. 4

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ПЛАНОВСКИЙ
Рудобашта С.П. 24

ВЫПУСКНИКИ

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КЕЛЬЦЕВ
Шумяцкий Ю.И. 29

**ЕГО НАЗЫВАЛИ ЖИВОЙ ЛЕГЕНДОЙ
МЕНДЕЛЕЕВКИ**

О В.П. Меньшутине
Козлова Е.А. 30

ВОСПОМИНАНИЯ

ХОДИЛИ МЫ ПОХОДАМИ

Кербер М. Л., Шиц Л.А. 33

POST MORTEM

УВЛЕЧЕННЫЙ МИРОМ. ПАМЯТИ В.С. БЕСКОВА
Жуков А.П. 40

ДОКУМЕНТЫ

ПАМЯТКА СТУДЕНТУ КазГТУ 42

Делегация Университета Менделеева на XIX Менделеевском съезде

Уважаемые коллеги - менделеевцы!

С интересом ознакомились с материалами 35-го выпуска университетского «Исторического вестника». Номер посвящен людям Менделеевки разных поколений – преподавателям, сотрудникам, студентам. Уникальна, даже для России и СССР XX века, судьба профессора Николая Евграфовича Пестова, одного из тех людей в МХТИ 1937-го года, кто в открытую, публично усомнился в виновности профессора Н.Ф. Юшкевича. Таких людей – в открытую и публично, было немного, но они были, работали в нашем институте.

Журнал постоянно публикует материалы о ветеранах Великой Отечественной – в этом номере вспоминают о Н.В. Кельцеве, одном из тех, кто ушел на фронт с Миусской площади (в декабре 2011 г. Н.В. исполнилось бы 90 лет), и В.П. Меньшутине – студенте 1940-х, секретаре парткома в 1960-х ...

Увлекательный рассказ о тяжелом заполярном походе 1951 года от профессора Кербера М.Л.

Президент РХТУ
Павел Саркисов

Ректор РХТУ
Владимир Колесников

ПРОФЕССОР, КОТОРЫЙ НЕ МОЛЧАЛ

Из книги «Серафимово благословение», Москва, 2005

Имя Николая Евграфовича Пестова, профессора кафедры технологии минеральных веществ (ТНВ) в Менделеевке не забыто. Есть его детальная биографическая справка в книге «Профессора Университета Менделеева. XX век» (М., 2007). «Исторический вестник» в своем первом выпуске в статье «Н.Ф. Юшкевич – создатель научной школы технологии неорганических веществ» вспоминает дела профессора Пестова. В 23-м выпуске «ИВ» рассказано о Н.Е. – ветеране Первой мировой войны.

Человек XX века, Н.Е. Пестов интересен своим непосредственным участием в жизни Родины. Революции 1917 года, гражданская война, развитие науки в СССР, драматические события 1930-х – ничто не прошло мимо Николая Евграфовича. В 2000 г. вышла книга «Серафимово благословение» (Новосибирск), в которой ярко освещены дни и годы жизни нашего профессора. Эта книга и находки Центра истории Университета послужили основой для новой публикации об этом замечательном для Менделеевки человеке.

Весточка из 1937-го

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОСКОВСКИЙ ТЕХНОЛОГ

Орган комитетов ВКП(б), ВЛКСМ, профкома и дирекции МХТИ им. Менделеева
Выходит 1 раз в шестидневку

№ 5 (155) || 10 февраля 1937 г. || Цена 5 коп.

Отмежевываемся от выступления проф. Маковецкого

Советский народ устами Военной Коллегии Верховного Суда вынес должный приговор презренной кучке троцкистов-террористов.

Никто не отнимет завоеваний народа, сплоченного вокруг своей монолитной партии большевиков во главе с великим рулевым тов. Сталиным.

Всяческие попытки мешать укреплению социализма, откуда они бы не исходили, будут разбиты.

Зав. кафедрой ОХТ, профессор Маковецкий А.Е., в своем выступлении на митинге 29/1 усомнился в виновности бывшего профессора нашего института Юшкевича, непосредственно близкого к шпиону Ратайчаку по работе.

Сотрудники кафедры ОХТ отмежевались от выступления профессора Маковецкого, считая, что оно было личным его мнением.

Кафедра ОХТ до настоящего времени не проявила себя как ведущая (учебное место кафедры в плане института, как раз ведущее).

Нашей стране нужны отличные инженеры-технологи, которые должны залечить раны, нанесенные вредительством и вывести химическую промышленность в передовую шеренгу нашей тяжелой промышленности.

Мы призываем всех сотрудников нашей кафедры перестроить всю нашу работу, до сего времени не перестроенную, учтя все наши слабые места, взять обязательство выйти на первое место среди наших специальных кафедр.

**Голованов,
Кирилин.**

От редакции

... Уже после того, как во всем институте стало известно о сочувственном выступлении Маковецкого к пойманным вредителям, на кафедре, где подвизался в свое время Юшкевич, имело место выступление проф. Пестова, в котором он заявил, что «не уверен в виновности Юшкевича», на него, мол, брошена тень. Эти выступления свидетельствуют о неблагополучии в нашем научном коллективе и недостаточной революционной бдительности.

«Московский технолог»,
10 февраля 1937г.

**Выкорчевать врагов народа.
Ликвидировать последствия
вредительства**

... Партийный комитет поручил специальной комиссии проверить состояние кафедры технологии основной химической промышленности и, в особенности, выяснить как коммунисты ведут работу по ликвидации вредительства. Проверка показала, что коллектив кафедры, в том числе и коммунисты, продолжает болеть идиотской беспечностью, не ведет большевистской борьбы за ликвидацию последствий вредительства...

Даже при беглом ознакомлении с составом кафедры бросается в глаза ее исключительная засоренность. Возьмем, например, профессора Пестова, читающего столь серьезный курс, как удобрения. Пестов не раз в своих выступлениях на заседаниях кафедры выражал сомнения во вредительстве Юшкевича, а коммунисты и беспартийные сотрудники вместо того, чтобы сорвать маску, проявили гнилой либерализм, добиваясь отказа Пестова от своих взглядов.

«Московский технолог»,

25 июня 1937 г.

ДЕТСТВО

Я родился 17(4) августа 1892 года в Нижнем Новгороде и был последним, десятым, ребенком у моего отца Евграфа Федоровича Пестова от его второго брака. Со стороны отца я был мещанином. Дед мой, Федор Кузьмич, в молодости был бурлаком на Волге (в семье хранился и передавался из поколения в поколение бурлацкий ключ, за который бурлаки крепили бечеву к барже). И был он, очевидно, личностью незаурядной, так как сумел вырваться из нищеты и обосноваться в Нижнем Новгороде. Отец получил от него в наследство маленький магазинчик... Своего отца я почти не помню, так как он умер, когда мне было всего 6 лет. Помню только, что он был очень добрый и часто болел. После смерти отца компания «Арабажи» платила нашей семье пенсию 25 рублей в месяц. На эти деньги, плюс еще заработок матери (она хорошо шила, и у нее было много богатых заказчиц) и жила наша семья.

Мать моя, Ольга Константиновна, происходила из купеческой семьи Баташевых и отличалась скромностью, трудолюбием, сердечностью и необыкновенной душевной теплотой. Духовным оплотом в семье была моя няня — благочестивая, уже пожилая старообрядка из заволжских лесов. В семье справлялась Пасха с куличами и крашеными яйцами; в Великом Посту ездили всей семьей говеть в монастырь (верст 20 от Нижнего), где кормили очень вкусной рыбьей ухой; на Рождество в доме устраивалась елка; в Троицын день квартира украшалась зеленью. Но я не помню, чтобы кто-нибудь молился, кроме няни. Меня к молитве не приучили...

На первую пору жизни Н.Е. проливают свет его собственные

рассказы, черновые наброски, которые были найдены в бумагах уже после его смерти. Вот один из этих отрывков:

«Когда случается мне вспоминать детство, прежде всего встает передо мной наш маленький домик в Плотничном переулке. Я до сих пор люблю такие домики: приветливые, уютные, со множеством пристроек, с простым забором из барачного леса и палисадником, в котором росли кусты сирени и жимолости. В памяти моей этот тихий уголок остался навсегда светлым синонимом удобства, домовитости и тихой беззаботной жизни. В светлых уютных комнатах с неуклюжими широкими печами, выложенными голубыми изразцами, с простой, но удобной мебелью прошло мое детство.

Из него, почему-то, мне врезались в память два факта или, вернее, два эпизода. Один из них — как я в первый раз, четырех лет от роду, вышел на задний двор нашего дома, на котором обычно отдыхали ломовые извозчики, здоровенные мужики с большими лохматыми бородами и красными лицами. На мне были надеты штаны. Их надели на меня впервые, и я был чрезвычайно горд этим. До этого времени одевали в платье, как и всех мальчиков в то время. Моему счастью не было границ. Послышались возгласы:

— Смотрите! Коля-то в штанах.

— Совсем большой стал!

— Мужчина!

И, взяв мою маленькую руку двумя пальцами, пожимали ее.

Я очень рано выучился читать. Сначала дело шло довольно туго: помню, я никак не мог помириться с ъ и с ь, встречающимися в середине слова. Первыми моими книгами были произведения Пушкина и «Робинзон

Н.Пестов, 1913 г.

Крузо» Д. Дефо. Среди книг, прочитанных мною в детстве, были произведения Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», Жуковского, Тургенева, Загоскина, Гончарова — многие из этих прочитанных книг сильно на меня влияли.

С семи лет я занимался с сестрами русским языком, литературой, арифметикой. Раз в неделю приходил диакон из Ильинской церкви и занимался со мной Законом Божиим.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, мать и сестры решили меня отдать в Нижегородское Владимирское реальное училище. Выдержав успешно вступительные экзамены, я был принят в первый класс.

Шел 1903 год.

Будучи в первом классе реального училища, я был в театре на спектакле «Князь Серебряный». Он произвел на меня сильнейшее впечатление.

Я узнал, что есть книга — повесть А. Толстого «Князь Серебряный», — и моей заветной мечтой стало приобретение этой книги. Бюджет нашей семьи был тогда ограниченный. Поэтому я постеснялся просить денег на покупку книги «Князь Серебряный» и стал копить деньги, даваемые мне на завтрак в училище по 3 копейки каждое утро. Скопив 70 копеек, я купил книгу «Князь Серебряный» и теперь ее берегу как реликвию моего детства. Образ князя Серебряного глубоко запал в мое детское сердце. Я преклонялся перед его мужеством, прямоотой характера и его доблестью при защите крестьян от царских опричников.

С юношеской горячностью я всегда чем-либо увлекался. Оформлял коллекцию бабочек, заполнял альбом с марками. Помню, как на улице я с товарищами увлеченно играл в городки и бабки. Биту я кидал точно, и поэтому команда, в которой мне доводилось играть, всегда выигрывала.

ЮНОШЕСТВО

Летние каникулы я проводил в имении моей состоятельной тетушки на берегу Волги. Здесь укреплялось мое тело: много приходилось грести на лодке, так как имение находилось в трех километрах от Волжской пристани.

Много купался и научился хорошо плавать. Проверая свою способность в этом отношении, я дважды переплывал Волгу, на что требовалось около получаса.

Удочкой ловил рыбу и ночами раков: для последнего нужно было нащупывать ногой их норы на берегу реки. Рак хватал клешней за большой палец ноги. Я резко выдергивал ногу из воды, разнимал клешню и кидал рака в сетку.

В старших классах реального училища увлекался астрономией и много времени проводил на специальной вышке с большой астрономической трубой. Я мог целыми ночами просиживать на вышке, наблюдая луну, планеты и звездное небо.

Изучая химию, я завел дома химическую лабораторию. В этом мне помогала моя сестра-фармацевт. Это увлечение повлекло довольно неприятное происшествие. Я собрал стеклянный аппарат Кипа для получения водорода из цинка и серной кислоты. Поместил его на полочке, подвешенной на веревочках сверху своей комнаты у вытяжки в дымовую трубу, около голландской печи. Среди ночи при выделении водорода брызги от серной кислоты попали на веревочку. Вся установка рухнула на пол, который был залит серной кислотой с осколками стекла.

В дальнейшем я увлекся языком «эсперанто» и завел переписку с заграничными эсперантистами. Мне приходили письма из Швейцарии, Италии, Франции, Австрии и даже Южной Америки (Аргентины). Перевел на «эсперанто» один из рассказов Чехова

и послал в Итальянский журнал. Часто в старших классах реального училища воспитанники ставили любительские спектакли, в которых я принимал самое деятельное участие...

В эти же годы происходила во мне сильная внутренняя работа. Меня волновали и мучили разные вечные вопросы, в том числе и вопросы религиозные. К этому периоду относится мое знакомство с марксистской литературой, а также с трудами Ренана и других писателей и философов рационалистического направления. Именно книга Ренана «Жизнь Иисуса» сыграла роковую роль в становлении моего юношеского мировоззрения. Эта книга отвела меня от Бога, прочитав ее, я стал атеистом. Это и не удивительно. Семена веры не имели во мне достаточно корней, чтобы укрепиться, и вот выросли тернии и заглушили их. Все религиозное воспитание, которое я получал, сводилось лишь к чисто формальному исполнению обрядов и обычаев православия. Ни в ком из окружающих меня людей я не видел проявления христианской любви и добродетелей. Все делалось только напоказ, потому что так было принято, а на самом деле все кругом погрязло в пороке и разврате. Над верой смеялись...

В 1909 году я окончил семь классов реального училища и поступил в дополнительный класс, окончание которого давало право на поступление в высшее учебное заведение. 4 июля 1910 года на торжественном акте в присутствии вице-губернатора мне вручили «Свидетельство об окончании реального училища».

Среди воспитывавших и окружающих меня людей я не могу не вспомнить своего родственника — мужа моей сестры Зинаиды — Эрвина Александровича Аллендорфа. Именно ему я обязан многими положительными чертами моего характера. В юношеские годы мне часто прихо-

дилось гостить у Аллендорфов, и Эрвин Александрович проявлял по отношению ко мне поистине отеческую заботу. В 1895 году Эрвин Александрович окончил Императорский Дворянский институт им. Александра II. По происхождению он был прусским дворянином. По неизвестным мне причинам его семья эмигрировала в Россию.

Дядя Эря, как я его называл, официально считал себя лютеранином, но я не замечал в нем никаких признаков религиозности. Со мною на религиозные темы он никогда не говорил, как, впрочем, и все члены нашей семьи. Летом я часто жил у него на даче. Садясь за стол, никогда не молились ни у нас в семье, ни у дяди Эри. Детей у Зины не было. Эрвин Александрович преподавал в гимназиях русский язык. Он был очень добрый, деликатный, чрезвычайно аккуратный, благовоспитанный и всеми уважаемый человек. Все свои силы и знания он щедро отдавал своей педагогической деятельности. Мне было с кого брать пример... Во многом он заменял мне рано умершего отца.

Высшая школа МВТУ

Полюбив химию, я по совету своих родных (дяди Эри) держал конкурсный экзамен и поступил на химический факультет Императорского Московского высшего технического училища (теперь МВТУ им. Н. Э. Баумана).

Существенную помощь в моем устройстве в Москве оказал мой крестный отец Николай Матвеевич Башкиров, богатый купец, имевший в Москве на Старой Басманной свой дом. У него я и поселился. Училище находилось на Коровьем Броду, и я доходил до него за 20 минут.

...Москва меня очаровала. Я был счастлив тем, что живу в городе, побывать в котором я мечтал с юношеских лет. Проходя по улицам со старинными названиями Басманная, Моховая,

Земляной вал, Маросейка, я чувствовал себя как бы участником тех исторических событий, которые происходили на этих улицах в разные периоды русской истории... Улица, на которой я жил в то время, называлась Старая Басманная (ул. Карла Маркса). Так она называлась потому, что на ней раньше (XVI в.) жили басманники, то есть дворцовые пекари.

Так случилось, что именно на этой улице Николай Евграфович прожил более 50 лет.

...Покровительствуя своему бедному крестнику, Н. М. Башкиров ежемесячно давал мне на расходы 15 рублей, и ежедневно меня кормили обедом. Обедая я всегда на кухне или в швейцарской, и обед мой состоял из трех блюд — щи, каша и кружка кваса с хлебом. За эти годы, что я жил в доме Башкирова, я так привык к щам, что уже не мог обходиться без них...

Учась в училище, Николай Евграфович, по его словам, «никогда не просиживал штанов на лекциях», а большей частью занимался самостоятельно в лабораториях и библиотеках, стараясь практически узнать то, что другие студенты узнавали из учебников. Экзамены в училище я сдавал раньше всех и обычно всегда успешно, — вспоминал Николай Евграфович.

- Материально я не нуждался, давал уроки школьникам и пользовался помощью моего крестного отца. Со второго курса я получил хорошую стипендию и более не терял времени на уроки.

Летом, на каникулах, я уезжал на Волгу в родной Нижний. Приблизительно два месяца из трех я работал контролером на пароходе «Илья Муромец», принадлежавшем компании «Самолет». Деньги, заработанные за эти месяцы, давали мне возможность помогать материально матери и самому не нуждаться. Остальное время я проводил на даче в Кре-

стах... Учась в Москве, несколько раз довелось мне побывать на галерке Большого театра. Слушал «Жизнь за царя», «Евгения Онегина» и «Риголетто». Особенно понравилась и запомнилась песенка герцога «Если б милые девицы». Она вполне соответствовала моему духовному состоянию в то время...

Сохранилась Предметная книжка (зачетная книжка) студента Императорского Московского высшего технического училища (химическое отделение) Пестова Николая Евграфовича, поступившего в 1911 году из Нижегородского реального училища, № 57-11.

Книжка заполнена полностью, и из нее видно, что Николай Евграфович пребывал в стенах МВТУ с 1911 по 1914 год и с 1922 по 1924 годы. Все предметы оценены на оценку «весьма удовлетворительно» (5).

Экзаменом по «Проектированию деталей машин», который датирован 5 мая 1914 года, записи обрываются. Следует перерыв в 7 лет. Летом, 1 августа 1914 года, началась Первая мировая война.

Первая мировая война (1914-1917 гг.)

Первая мировая война застала меня на 4-м курсе МВТУ. Газеты публиковали патриотические статьи и призывы. Мне пришла в голову мысль: впоследствии, когда у меня будет семья, у меня спросят дети: «Что ты сделал для защиты Отечества?» Так был решен вопрос о немедленном добровольном поступлении в армию.

Были и другие мотивы, способствовавшие принятию этого решения, но теперь, спустя много лет, я вижу в этом Промысел Божий, который на восемь лет вывел меня из стен училища, чтобы вновь вернуть в него, но уже совершенно другим человеком. Вышел Савл, вернулся Павел...

Из послужного списка поручика Николая Пестова. Составлен октября 26 дня 1917 г.

1 октября 1914 года поступил в Алексеевское военное училище на правах вольноопределяющегося 1-го разряда юнкером

Прапорщик Н.Е. Пестов,
1915 г.

рядового звания.

...Приведен к присяге на верность службы 17 октября 1914 г.

...Унтер-офицер — 5 декабря...

...Младшим портупей юнкером — 14 декабря.

...Старшим портупей юнкером — 23 декабря.

...По окончании курса в училище по 1-му разряду Высочайшим приказом, состоявшимся в первый день февраля месяца 1915 года, произведен в прапорщики с назначением в 56 пехотный запасной батальон (Самогитского полка)...

...Прибыл и зачислен в списки 56-го пехотного запасного батальона и 6-й роты младшим офицером 6 февраля 1915 г.

Моя служба в 56-м батальоне проходила довольно спокойно. Офицеры батальона в основном несли караульную службу на различных объектах Москвы. За полгода моей службы в Москве мне пришлось около десяти раз стоять на карауле в Кремле. Мой

пост находился на втором этаже Большого Кремлевского Дворца. Дважды видел императора Николая II. Первый раз встреча с императором произошла на Манеже во время строевого осмотра. Николай II был одет в офицерскую форму, поверх которой была накинута белая бурка, на голове папаха. Лицо царя было строгое, взгляд – задумчивый и грустный. Он молча прошел мимо нас в сопровождении свиты, а когда прозвучала команда «вольно», он подошел к строю и стал беседовать с некоторыми офицерами и солдатами.

Вторая моя встреча с ним произошла в момент несения караула в Кремле. Дверь, возле которой я стоял, внезапно отворилась, и я увидел императора. Я отдал честь и встал по стойке «смирно». Император молча посмотрел на меня невидящим тяжелым взглядом и быстро удалился по коридору, покачивая головой и нервно потирая руки. Провожая его взглядом, я почувствовал, что мои колени дрожат...

В этот период я с радостью вспоминаю мою встречу с основательницей Марфо-Мариинской обители – Великой княгиней Елизаветой Федоровной. Она имела обычай посещать приюты и лазареты с ранеными на войне воинами.

Я был обязан ее встретить с обычным рапортом как дежурный офицер по казармам, в которых было и отделение (лазарет) для раненых воинов. Ее облик и кроткий взгляд оставили в моей душе неизгладимое впечатление простоты, скромности и радушия.

Рассказывают про случай, когда она посетила один приют с девочками четырех-пяти лет.

Заведующая приютом накануне предупредила девочек: «Завтра к нам приедет Великая княгиня. Когда она войдет в зал, то вы кричите: «Здравствуйте». И целуйте ручку. Поняли?» — «По-

няли», — хором отвечали девочки.

Приезжает княгиня и входит в зал, где были собраны принаряженные девочки. Те бросаются к ней навстречу и хором кричат: «Здравствуйте и целуйте ручку», — и протягивают ей свои ручки.

«Что мне теперь будет?» — думала начальница приюта. Но на другой день приехал автомобиль, нагруженный игрушками по числу девочек.

ФРОНТ

«При нанесении контрудара 22 апреля 1915 года у Ипра немцы впервые применили отравляющее вещество, предприняв газобаллонную атаку с использованием хлора. Было отравлено 15 тысяч человек, из которых 5 тысяч умерло. После этого отравляющие вещества начали применять обе воюющие стороны».

В середине августа 1915 года в наш батальон пришло с фронта распоряжение: прислать офицера, хорошо знакомого с химией. Так, приказом № 264 от 19 августа 1915 года я был переведен на службу в Ригу, в 4-й Осадный артиллерийский полк, куда и прибыл 21 августа.

Кампания 1915 года, в которой я принимал участие, ознаменовалась появлением нового средства борьбы — отравляющих веществ (ОВ). Применение этих средств потребовало создания противогазов и организации противохимической защиты.

Основным родом войск в армии всех государств в Первой мировой войне была пехота. В сухопутные силы входили кавалерия и артиллерия. Специальные войска имели весьма незначительный удельный вес (около 2%). Прибыв на фронт, я был «зачислен в прикомандированные и начальником химлаборатории парка 21 августа 1915 года».

...Вся химзащита наших войск на нашем участке фронта была возложена на мою лабораторию. В наши обязанности входило проверять у солдат личные средства химзащиты и учить ими пользоваться. В армии в то время стали впервые вводиться противогазы. К счастью, по данным нашей разведки, немцы не собирались использовать на нашем участке фронта ОВ (газы). Но, тем не менее, возможность такого применения наше командование не исключало. У нас тоже имелись некоторые запасы ОВ.

К моменту моего приезда на фронт наши войска вели изнурительные позиционные бои. На участке фронта, занимаемом дивизией, в которую входил и наш полк, были отрыты две-три сплошные траншеи вдоль берега реки с замаскированными пулеметными точками. Проволочных заграждений не было, так как демаркационной линией служила река Западная Двина.

«Кампания 1915 года оказалась характерной усиленными поисками средств и способов преодоления позиционной обороны. В связи с этим бурно развивалась артиллерия как главная основная сила сухопутных войск. Продолжительность артиллерийских подготовок в отдельных операциях составляла несколько суток...»

Не имея достаточного боевого опыта, я в первый же месяц пребывания на фронте при артподготовке получил сильную слуховую контузию. Опытные артиллеристы при выстреле орудия открывали рот и отскакивали от орудия. Я этого не сделал. Через полчаса стрельбы из левого уха у меня пошла кровь, а в голове звенели тысячи колоколов. Ухо мне залечили через несколько дней; звон в голове ослабел, но остался на всю жизнь. Я к нему уже так привык, что почти не замечаю его. Усиливается он, лишь тогда, когда я чрезмерно устаю

или сильно волнуюсь...

За время моего пребывания на Рижских позициях мне пришлось пережить две опасности и одну серьезную неприятность. Изредка немецкие самолеты пролетали над нашими позициями и сбрасывали бомбы. В октябре 1915 года я по заданию командования выехал на станцию Исекуль в 30 км от Риги по железной дороге. Нам сообщили, что возле станции лежит неразорвавшаяся бомба, сброшенная с немецкого аэроплана. Я поехал туда на грузовом автомобиле.

Бомба лежала около самой станции. Сверху бомбы на ее оси находилось ее взрывное устройство, кончавшееся пропеллером. Очевидно, он не успел раскрутиться настолько, чтобы нижний конец штифта коснулся взрывного капсюля. Подрыв землю около бомбы, я ее осторожно наклонил и придал ей горизонтальное положение для большей безопасности. Вопрос был в том, насколько близко конец штифта находился от поверхности взрывного капсюля. При тряске штифт мог бы коснуться капсюля, и произошел бы взрыв. А мне нужно было возвращаться на грузовом автомобиле по тряской осенней дороге. Я взял бомбу на руки горизонтально, как маленького ребенка, отнес в машину и занял место рядом с шофером, держа ее в своих руках. Я привез бомбу в казарму, где ее заперли в отдельном помещении. Вернувшийся из командировки пиротехник на другой день благополучно вывинтил взрывную головку. Весом бомба была примерно около двенадцати-пятнадцати килограммов.

Из воспоминаний Зои Вениаминовны:

Эту бомбу, уже без взрывчатки, Николай Евграфович привез домой в Нижний Новгород, а затем в Москву. Во время обыска и моего ареста в 1930 году один из сотрудников ГПУ, произво-

дивших обыск, увидел эту бомбу в подвале (она служила нам гнездом) и закричал страшным голосом:

— Смотрите! Бомба! Вот она где, контра!

— Будьте спокойны, товарищи, — ответил на это Николай Евграфович, — ведь это бомба без взрывателя и взрывчатки и опасности не представляет! Это память с Первой мировой войны!

— Ну, ладно, — сказал начальник, производивший обыск, — тогда сами полезайте за ней. Мы все-таки впишем ее в протокол, а там разберутся...

И бомбу изъяли.

Очевидно, там (в ГПУ) действительно разобрались, так как больше о бомбе никто не вспоминал. Благополучно я избежал и другой опасности. Кусты и деревья по берегу реки скрывали наши позиции от немцев, находившихся на другом берегу. Как-то, вскоре после приезда в Ригу, я решился сам побывать на линии фронта. Проехав на лошади около двух километров от города, я подъехал к линии фронта. Берег реки здесь был покрыт низкими кустами и деревьями. Я слез с лошади и стал подходить к месту, где кончалась зелень. На другой стороне реки были немецкие позиции. В это время на фронте было затишье.

Вижу, что несколько наших солдат выходят из кустарника к обрыву у реки. Я тоже вышел за ними из зелени, чтобы поближе рассмотреть линию немецкого фронта. Я спросил одного солдата:

— Не опасно ли здесь ходить?

— Ничего, — отвечал мне солдат, — мы тут еще свободно ходим.

Вдруг я увидел другого солдата, который остановился в недоумении. Оказалось, что у него изо рта пропал конец папиросы... Окурочек выбила пуля немецкого снайпера. Поняв это, я поспешно скрылся в прибрежных кустах.

В январе 1916 года мне был предоставлен кратковременный отпуск с сохранением содержания, и я поехал в Нижний.

Из воспоминаний Нины Сергеевны Кусковой:

Когда Николай вернулся в Нижний, то все просто ахнули, увидев стройного, подтянутого молодого офицера. Его глаза горели огнем и молодой удаляю. «Военная форма ему очень идет», — в один голос заявили родственники. Необыкновенная тактичность, вежливость и общительность делали его желанным гостем в любой компании. «Наш душка офицер», — называли его мать и сестры.

В этом году (1916) в феврале состоялась свадьба Николая Евграфовича. Его женой стала дочь присяжного поверенного Руфина Дьячкова. Сам Дьячков вел коммерческие дела у купца Башкирова, родственника Николая Евграфовича. Молодые люди были дружны еще с довоенной поры, когда, будучи студентами, встречались на даче в Крестах.

Руфина Дьячкова представляла собой типичный пример передовой эмансипированной женщины начала века. Хорошее образование (она знала языки и превосходно играла на фортепиано), умение красиво и со вкусом модно одеться заметно выделяли ее из окружавших подруг и друзей. Среднего роста, изящная, с тонкими чертами лица, немного экзальтированная, она пользовалась вниманием молодых людей и имела «успех в обществе», как тогда говорили.

В гостиной Дьячковых часто устраивались вечеринки, где можно было встретить представителей самых разнообразных слоев нижегородского общества. Здесь были и чиновники, и военные, студенты и курсисты, революционеры различных направлений и толков. За картами и рюмкой вина велись разговоры о войне, ругали царя с царицей и «всесильным» Распутиным, об-

суждали и читали запрещенную литературу и строили планы на «светлое будущее» России.

«Господа, прошу любить и жаловать, подпоручик Пестов из действующей армии», — такими словами представил хозяин дома Николая Евграфовича собравшейся компании. Многие, в том числе и Руфина, были знакомы с Николаем еще до войны, другие познакомились только что, но он сразу же завоевал всеобщее внимание и симпатии. Если Руфина была лидером женской половины общества, то подпоручик Пестов возглавлял мужское общество в гостинице Дьячковых. Сближение между молодыми людьми было искренним, и на Святках 1916 года Николай сделал Руфине предложение. Руфина дала согласие на брак... После венца молодые поселились у тестя на Больничной улице.

В середине февраля (согласно послужному списку 14 февраля) подпоручик Н. Пестов отбыл в Ригу в свой полк. Руфина осталась с отцом в Нижнем Новгороде. Прекрасная пианистка, она давала частные уроки по фортепиано для девушек из дворянских и купеческих семей.

В компании 1916 года 12-я армия под командованием генерала Д. П. Парского, в которую входил и наш 4-й осадный полк, активного участия не принимала...

«В общем наступлении русских войск роль Северного фронта была ограничена организацией демонстративных действий и обеспечением правого крыла Западного фронта». В этом году Бог спас меня от одной серьезной неприятности.

Со взводом солдат я занимался приготовлением дымовых «вспышек». Они были нужны, когда стреляли орудия наших батарей. Дымок при выстреле открывал место нашего орудия.

Чтобы обмануть немцев, при выстреле в отдалении одно-

временно зажигалась дымовая «вспышка». Я готовил их в виде картонных трубок, набитых опилками с небольшой примесью пороха.

Чтобы было удобно быстро их взрывать, я приобрел в рижском галантерейном магазине большой клубок пироксилиновых ниток. С их помощью раньше в церквах зажигались верхние люстры со свечами. Огонек по шнуру перебежал от свечки к свечке, и вся люстра зажигалась. Как будто бы этот клубок был совсем не опасным товаром. Но я через него чуть-чуть не был отдан под военный суд.

«Вспышки» мы готовили в одном из помещений казарм. Там же стоял и бочонок с черным порохом. В нерабочее время комната запылилась. Я следил за тем, чтобы бочонок с порохом без меня не открывался. А на товар из галантерейного магазина — клубок шнура — я не обращал внимания.

В одно утро, когда мы должны были готовить «вспышки», солдаты пришли в эту комнату раньше меня. Пироксилиновый клубок лежал на столе. Ожидая меня, один из глуповатых солдат ткнул курящейся папиросой в клубок шнура. Очень сильная огневая вспышка, подобная взрыву, сильно обожгла лицо этого солдата. На мое счастье, у него сохранились глаза, но все лицо получило очень сильный ожог, от которого он потом долго лечился. Поскольку глаза у солдата остались целы, командир полка, пожалев меня, замял это дело, и меня не отдали под суд за непредусмотрительность.

Умеренные боевые действия на нашем фронте оставляли много свободного времени. Это время я старался использовать с пользой для своего образования. Познакомился в Риге с преподавательницей немецкого языка Элизабет Лаубе и дважды в неделю брал у нее уроки немецкого. Самостоятельно из-

учал французский язык и через год-два мог свободно читать художественную, а затем и научную литературу на этих языках.

Нравственное состояние моей души в то время оставляло желать лучшего. Часто, вечерами, в офицерском клубе устраивались различные встречи с сослуживцами по полку, отмечались различные даты (царские дни, большие праздники, дни Ангела начальства и т. д.), которые обычно сопровождалось обильными возлияниями и игрой в карты. К вину я был, к своему счастью, абсолютно равнодушным. В карты играть любил, но никогда «не терял головы». Играл трезво и рассудительно. В нашем полку в то время был очень хороший и добрый офицер Н. Ветров, с которым я был в дружеских отношениях. С ним произошла очень трагичная банальная история — проиграл в карты казенные деньги и застрелился. На меня это произвело столь сильное впечатление, что к карточному столу я больше не приближался.

Из послужного списка

Приказом по 12 армии 8 марта 1916 года за № 280 за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий, награжден орденом Св. Станислава III степени.

С 9 августа по 10 сентября 1916 года и с 25 мая по 11 июня 1917 года находился в кратковременных отпусках с содержанием содержания.

11 сентября 1916 года назначен начальником огнестрельных припасов... 24 апреля 1917 года — сдал отделение огнестрельных припасов и вступил в должность начальника электроосветительной команды...

1 августа 1917 года — назначен адъютантом полка. 2 сентября 1917 года на основании приказа №681 произведен в поручики...

10 октября 1917 г. — сдал

должность адъютанта полка. Назначен начальником прожекторной команды с оставлением в штабе полка помощником командира полка по строевой части.

21 октября 1917 г. — назначен заведующим гаражом с исполнением своих прямых обязанностей.

В феврале 1917 года вспыхнула революция. Фронт дрогнул, и началось сплошное отступление наших войск. Не помогли и «батальоны смерти», или «ударные батальоны». Эти батальоны были образованы Керенским летом 1917 года с тем, чтобы «героическим» примером они могли поднять дисциплину и укрепить боевой дух армии.

20 августа 1917 года наши войска оставили г. Ригу.

Я был тогда адъютантом полка и в автомобиле с генералом — командиром полка — выехал в г. Лугу (Псковской области).

ОКТАБРЬ 1917 года

После февральской революции в нашем полку был образован Полковой Комитет, членом которого, по желанию офицеров и солдат, избрали и меня. По прибытии в г. Лугу я был избран офицерами в Лужский исполнительный комитет как председатель от полка и одновременно членом Полкового Суда.

На этом посту мне пришлось участвовать в заседаниях Полкового Суда. Нарушений дисциплины было довольно много, участились случаи дезертирства и мародерства, но в связи со сложившейся политической ситуацией наказания и приговоры были часто формальными. Смертная казнь была отменена.

В первые несколько месяцев после февральской революции как внутреннее состояние страны, так и боеспособность ее армии несомненно улучшились. Но радоваться было преждевременно. Оставление нашими войсками больших территорий

и отступление по всему фронту на линию государственной границы после летней кампании 1917 года показывало, что страна находится в катастрофическом положении и Временное правительство не в силах что-либо изменить. Почти вслед за февральской революцией стала очевидной неизбежность новой революции.

Солдатские массы, как и большинство населения России, не хотели продолжения войны и видели в революции путь к миру. Вся армия толковала о мире. Многие солдаты сами начинали решать вопрос о мире дезертирством. Я видел, как простой народ отворачивался от всех «умеренных», кадетов, эсеров и т. д. и переходил на сторону большевиков, которые говорили о мире, о передаче земли крестьянам, о введении рабочего контроля над производством и о создании рабочего правительства.

26 октября 1917 года в Лугу пришло сообщение о новом перевороте в Петрограде. Что произошло октябрьская революция, тогда еще не говорили. В штабе армии я увидел телеграфный текст: «Временное правительство низложено. Вся власть в руках Советов...»

Весь этот день я провел в штабе полка, где составлялся мой послужной список. Накануне я подал рапорт о предоставлении мне очередного отпуска, и командир полка генерал Изержин распорядился мне его предоставить с 15 ноября 1917 года. Ввиду сложившейся ситуации (никто не мог предположить, какой оборот примут события в ближайшее время) все воинские документы мне были выданы на руки.

На другой день, 27 октября, напряженное ожидание прошло, и начался невообразимый хаос. Из Гатчины приходят директивы Временного правительства за подписью Керенского с приказом двигаться на Петроград для

поддержания войск генерала Краснова. Из Петрограда, где по слухам образовано новое правительство, сообщений нет, что не удивительно. Телеграфного сообщения с Петроградом нет уже более суток. Тем временем из Ставки (г. Могилев) приходит приказ «до особых распоряжений оставаться на месте в Луге...»

Ежедневно приходили сведения из разных концов России. Старая Россия быстро разваливалась. В город приходили вести о том, что Финляндия требует автономии и отказывается подчиняться распоряжениям из Петрограда. На Украине, в Белоруссии и Польше все больше усиливалось националистическое движение. Хаос увеличивался со дня на день.

В Луге, где скопилось громадное количество войск, революционного подъема народных масс не ощущалось. Слишком много было военной силы, которая пребывала в нерешительности. Но было уже ясно, что значительная часть кадровых офицеров и некоторые регулярные части готовы в любой момент выступить против советской власти. События, происходившие в Москве и Петрограде, свидетельствовали о том, что начинается Гражданская война...

В документах Николая Евграфовича сохранилась Аттестация за 1915, 1916 и 1917 годы, в которой с наибольшей полнотой выражены «служебные, физические, умственные и нравственные качества аттестуемого».

Форма №37. Секретно.

Поручик Николай ПЕСТОВ

Начальник прожекторной команды с 10-го октября 1917 г.

Общее образование... в Нижегородском Реальном

Училище и состоит студентом 4-го курса Высшего Московского Технического Училища.

Алексеевское Военное Училище по 1 разряду.

В походах и делах в текущей компании на Рижских позициях с 21 августа 1915 г. по 20-е августа 1917 г. Ранен и контужен не был.

Аттестация

Поручик Пестов, состоя в полку с 1915 года и занимая должность начальника огнестрельных припасов, а после - командующего парком, успел проявить выдающуюся инициативу и распорядительность, причем был незаменимым для полка начальником огнестрельных припасов, несшим трудную и громадную работу по снабжению снарядами в бою тяжелых и легких батарей полка, число которых вместе с прикомандированными доходило до 44.

В 1916 г., будучи назначен начальником электроосветительной команды, проявил себя выдающимся офицером, хорошо знающим свое дело. В августе 1917 г. был назначен полковым адъютантом. За несколько месяцев успел проявить редкую распорядительность и инициативу.

Все возлагаемые на него поручения исполняет с большим усердием и вниманием, проявляя в деле полную инициативу и не требуя руководств. В денежных делах чрезвычайно аккуратен. Службу знает хорошо и несет ее серьезно. Очень тактичный, дисциплинированный и выдержанный офицер. Обладает прекрасными способностями и знаниями. Прекрасный товарищ, отзывчивого и благородного сердца. Отличается хорошим знанием артиллерийского дела, редким служебным (...) и большим тактом. О солдатах заботится, стараясь войти во все их нужды, за что и пользуется их симпатиями. В настоящее время выбран офицерами, среди которых пользуется общей любовью, благодаря своей необычайной тактичности и доброжелательности, представителем от полка в исполнительный Лужский комитет и членом полкового комитета. Кроме того, состоит выбор-

ным членом в Полковом Суде. Вообще, выдающийся офицер. За боевые отличия награжден орденом Св. Станислава III ст. и орденом Св. Анны III степени.

Командир 4-го Осадного артиллерийского полка

Генерал-майор (подпись)
(Изержин)

31 октября 1917 года.

Смутное время.

Первая тюрьма

До Нижнего я добрался с большим трудом. Повсюду забастовки, митинги. Транспорт парализован. Сотни и тысячи солдат дезертировали с фронта и двигались по стране огромными беспорядочными волнами. Все голодные, грязные, озлобленные. Подъезжая к Москве, все офицеры в нашем вагоне сняли погоны, а некоторые где-то раздобыли куски красной материи и сделали себе банты на грудь...

С трудом удалось достать хлеба, чтобы хватило до Нижнего.

Перед самой Москвой в вагон вошли вооруженные солдаты и рабочие и у всех офицеров произвели обыск с целью изъятия возможного оружия.

В Москве я пробыл трое суток. Зашел в дом крестного и в Техническое училище. От знакомых узнал подробности октябрьских событий в Москве. Здесь же впервые я прочел «Декрет о мире», принятый на II Всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 года. Он на меня произвел большое впечатление. В четких формулировках Декрета я увидел основные положения политики нового правительства, основанной на установлении мира между всеми народами.

Возвращаясь с фронта, я видел сам, что мир России необходим. Ни одна страна не понесла столько ущерба от войны, как Россия. Почти половина трудоспособного мужского населения (15798 тыс. человек) была поставлена под ружье... Русская

армия потеряла в боях 1200 тыс. человек — больше, чем какая-либо другая страна Антанты. Потери ранеными и больными составили 4269,5 тыс., военнопленными - 3343,9 тыс. человек.

Здесь же, в Москве, я узнал, что ставка в Могилеве разгромлена отрядами Красной Гвардии и что начальником штаба назначен генерал-лейтенант М. Д. Бонч-Бруевич.

В Нижний я приехал в декабре, когда уже Волга стала, и город был весь засыпан пушистыми снежными сугробами. Радости моих близких не было границ. Все были счастливы, что я живой и здоровый вернулся с фронта.

В начале января советское правительство издало постановление о демобилизации армии. Демобилизация разложившейся царской армии прошла автоматически. Нижегородский ревком издал указ, в котором предписывалось всем находящимся в городе демобилизованным офицерам пройти регистрацию в ревкоме и сдать оружие, если таковое имелось. Всех офицеров, у кого обнаружат оружие, приказано было «немедленно на месте предавать революционному суду...». Некоторое время я был в полной растерянности. Вернуться в полк? Остаться в городе и поступить на службу к новой власти? Вернуться в Москву в МВТУ?.. Вняв уговорам своих близких, я остался в Нижнем...

В начале февраля 1918 года как-то утром за мной пришел красноармеец и принес повестку. В ней было сказано, что гр. Н. Е. Пестову предлагается явиться в Нижегородскую ЧК, и было указано время.

«Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Нижегородском совете», — прочел я табличку на здании бывшей канцелярии генерал-губернатора, находившейся внутри древнего Нижегородского кремля вблизи

Аракчеевского кадетского корпуса.

В ЧК меня встретили очень любезно и после краткой беседы предложили работать в ЧК делопроизводителем. Я согласился. На этом посту я пробыл лишь несколько дней и был переведен на работу в Нижегородский Горпродком на должность Заведующего Алфавитным контрольным столом. Из ЧК меня перевели, как мне потом объяснили, потому, что начальство не утвердило моей кандидатуры на этот пост — бывший офицер, беспартийный...

В Горпродкоме я проработал до августа 1918 года. Вместе со мной работала и Руфина — секретарем Горпродкома. Работа в Горпродкоме была в основном связана с задачей обеспечения продовольствием и промышленными товарами Нижнего Новгорода и прилегающих к нему губерний. Главные трудности в тот период заключались в недостаточной развитой индустрии и разрухе в стране.

К лету 1918 года над страной нависла угроза голода. Продовольственный кризис обострялся внешними и внутренними врагами. Германия оккупировала самые хлебные, наиболее плодородные губернии. Мятеж чехословацкого корпуса нарушил связь центра с Поволжьем и Сибирью. Рабочие Нижнего, как и других городов, иногда целыми неделями не получали хлебного пайка. В июне была составлена телеграмма в Совнарком с просьбой немедленно оказать помощь. Но у советского правительства в это время были ничтожные запасы продовольствия. «Всего хлеба пришло в Нижний 700 тысяч пудов, которые должны быть распределены среди двух десятков губерний и

пойти десяткам миллионов голодных людей».

Декретами ВЦИК и СНК от 13 и 27 мая 1918 года была установлена продовольственная диктатура... Все советские органы и учреждения обязаны были выполнять планы Наркомпрода в области заготовки и распределения продовольствия... Совнарком принял также несколько декретов по продовольственному вопросу, в том числе и о привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций и др.

Так, начиная с лета 1918 года, стали складываться основы политики «военного коммунизма». Советская республика становилась военным лагерем.

Историческая хроника 1918 г.

14 февраля — в стране был введен календарь нового стиля.

18 февраля — войска австро-германского блока нарушили перемирие и перешли в наступление против Советской республики по всему фронту.

23 февраля — в Петрограде, Москве, Нижнем Новгороде и других городах состоялись массовые митинги, призывающие трудящихся встать на защиту Отечества. Первые победные бои молодой Красной Армии.

24 февраля — немецкие войска захватили Псков. 1 марта — занятия германо-гайдамацкими войсками Киева.

3 марта — подписан Брестский мир.

19 марта — СНК принял решение о широком привлечении в Красную Армию военных специалистов старой армии.

8 апреля — образовано Всероссийское бюро военных ко-

миссаров.

22 апреля — ВЦИК издал декрет о порядке замещения должностей в РККА. Установление шестимесячного срока службы в Красной Армии. Декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству (Всевобуч).

«Всеобщее военное обучение осуществлялось без отрыва от производства и домашнего очага. Трудящиеся в возрасте от 18 до 40 лет обязаны были пройти военную подготовку по 96-часовой программе и стать на учет как военнообязанные»2.

8 мая — образован Всероссийский Главный штаб (Всеросглавштаб), объединяющий мобилизацию, организацию и учебную работу вооруженных сил. Первым начальником Всеросглавштаба был назначен А. А. Свечин.

17 мая — мятеж максималистов и левых эсеров в Самаре.

25 мая — начался мятеж чехословацкого корпуса.

8 июня — захват Самары частями белочехов. Образование в Самаре правительства «Комитета членов Учредительного собрания» (КОМУЧ).

9 июня — в газетах опубликовано постановление ВЦИК о мобилизации в армию пяти возрастов на Волге, Урале и в Сибири.

19 июня — части белочехов заняли Красноярск.

5 июля — белочехи заняли Уфу.

6 июля — начало контрреволюционного мятежа в Ярославле.

«Белочехи, народная армия «Комуча» и Екатеринбургская белогвардейская армия развернули на Урале и в Поволжье новое крупное наступление... 25 июля Челябинская группа и Екатеринбургская белогвардейская армия захватили Екатеринбург».

2 августа — англо-американские интервенты захватили Архангельск.

4 августа — белогвардейские и чехословацкие мятежники за-

хватили Казань.

8 августа — начало эсеро-меншевицкого мятежа в Ижевске.

15 августа — оставлены Пенза, Самара, Сызрань, Симбирск.

Как видно из приведенной хроники, положение для Советской республики сложилось критическое. Три четверти советской России оказалось в руках интервентов и белогвардейцев. Республика была окружена сплошным кольцом фронтов. В Поволжье началось формирование белой «народной армии».

В связи со сложившейся ситуацией нижегородские коммунисты сочли целесообразным в виду возможного выступления контрреволюционных белогвардейских элементов произвести аресты бывших офицеров, дворян и представителей буржуазии. С 10 по 15 августа в городе было интернировано более четырехсот человек. В их число попал и я. Меня арестовали 13 августа на работе, а вечером в тюрьме я встретился со своим тестем — адвокатом Дьячковым. Он был арестован дома. Мы устроились с ним в одной камере на соседних нарах. Он был очень эрудированный и культурный человек, и с ним было интересно беседовать на самые различные темы. Тюрьма была переполнена, но кормили нас по тем временам довольно сносно. Все ждали, что со дня на день и Нижний станет «белым».

Тем временем события приняли еще более драматический оборот и чуть было не кончились для меня трагически. Трагедия, тем не менее, постигла нашу семью...

Произошло объединение сил внешней и внутренней контрреволюции против советской власти. Против деятелей партии и советского государства был организован террор...

20 июня эсерами был убит М. М. Володарский, 30 августа —

председатель Петроградского ЧК М. С. Урицкий. Вечером в тот же день в Москве было совершено покушение эсеркой Каплан на В. И. Ленина.

2 сентября ВЦИК постановил: «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов».

Ранним утром 16-го августа, около 4 часов утра, наша камера была поднята надзирателями. В тюрьме творилось что-то необычное. Слышан был топот многих сотен ног, отрывистые команды, бряцанье оружия и скрип дверей. Последовал приказ: «Всем выйти на внутренний плац с вещами».

В коридорах и на плацу стояли вооруженные красноармейцы. В центре длинными рядами стояли заключенные. Команда: «Разбиться на десятки!», «Каждому десятому выйти из строя!».

Я был девятым. Рядом со мной стоял, ежась от утренней прохлады, мой тесть. Он оказался десятым. Всем вышедшим из строя приказали взять свои вещи и вывели к воротам тюрьмы. Больше я своего тестя не видел.

Их вывезли за Волгу и расстреляли. Об этом было сообщение в газетах. (Всего было расстреляно сорок человек представителей буржуазии — купцов, офицеров, адвокатов...) Все это я узнал уже после освобождения.

Историческая хроника

2 сентября 1918 года — ВЦИК объявил Советскую республику военным лагерем и постановил учредить вместо Высшего Военного Совета — Революционный Военный Совет республики. Председателем РВСР ВЦИК утвердил Л. Д. Троцкого.

10 сентября — освобождена от белых Казань.

3 октября — освобождена Сызрань.

4 октября — разгром Дутова под Орском. 7 октября — освобождена Самара..

К ноябрю стало ясно, что белым уже не завладеть Нижним Новгородом. 2 ноября меня отпустили на свободу.

Комиссар(1918-1921)

Более двух месяцев я не видел никого из своих близких, и они уже не чаяли увидеть меня живым. Много крови и слез было пролито за эти месяцы... Мать заметно постарела, голова вся в серебряных нитках седины, а заплаканные глаза излучают надежду и скорбь.

— Слава Богу, ты жив и здоров! А что с Володей? Вот уже более двух месяцев от него нет писем.

Успокоил мать, как мог, и пошел на Больничную. По дороге вышел на берег Волги. Вид этой великой русской реки всегда вселял в меня бодрость и вносил успокоение. Тяжелые холодные волны молча несли мимо меня обломки леса и желтую осеннюю листву. Во всей природе чувствовалось какое-то напряженное ожидание.

«Что теперь делать? — думалось мне. — Ведь я чудом остался жив... Если меня арестуют еще раз, где гарантия, что я вновь выйду живым?»

В душе был холод и пустота... «Что будет дальше с Россией? Как помочь Родине?»

Дома Руфина мужественно выслушала мой рассказ о последних днях своего отца. Она рассказала, что сделала все возможное, чтобы восстановить его доброе имя.

Из воспоминаний племянницы:

Через некоторое время в газете появилось сообщение, что «бывший присяжный поверенный М. Г. Дьячков был расстрелян по ошибке...»

Историческая хроника

В тот период лозунг «Все для

фронта!» стал определяющим деятельностью государственного аппарата, партийных, советских и всех общественных организаций.

Для победы необходимо было иметь крепкую многочисленную армию — главное орудие в борьбе с врагами Республики. Партия призвала все партийные организации подчинить всю свою деятельность военному вопросу, от которого «теперь зависит судьба революции и исход ее, судьба русской и международной революции».

«Интересы укрепления Советского государства, превращения его в военный лагерь требовали безотлагательного решения вопроса о командных кадрах для Красной Армии».

Одним из основных источников командных кадров для Красной Армии являлись офицеры и генералы старой армии, знания и опыт которых широко использовались в военном строительстве и в организации обороны страны. «Только в 1918 г. в Красную Армию было зачислено 22 тыс. офицеров и генералов, а всего за период Гражданской войны в Красную Армию призвано более 48 тыс. офицеров старой армии».

...Старые военные кадры к концу 1918 года составляли весьма значительную часть не только командного состава, но и других военных специалистов... Они честно и добросовестно служили народу. «Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, — говорил впоследствии В. И. Ленин, — мы не могли бы создать армии».

По решению V Всероссийского съезда Советов «все военные специалисты старой армии обязаны были встать на учет и служить на тех постах, на которые поставит их советская власть».

Согласно этому постановлению 26 ноября 1918 года после регистрации в губернском комиссариате я был направлен на

работу в органы Всевобуча (всеобщего военного обучения).

Для большей возможности служить Родине (не имея христианской веры) в декабре 1918 года я вступил в коммунистическую партию.

«Создание уездных и особенно волостных военных комиссариатов затянулось до конца 1918 года... Следствием этого была и затяжка в оформлении аппарата Всевобуча. Поэтому фактически военное обучение началось только осенью 1918 года в промышленных Центрах, там, где были налицо органы Всевобуча».

В Нижегородском Всевобуче я проработал до 30 января 1919 года на должности делопроизводителя. В феврале 1919 г. по делам организации «Всевобуча» поехал в Москву для доклада во Всеросглавштабе. В Москве мой доклад о положении дел в Нижегородском Всевобуче произвел впечатление, и меня оставили в Москве работать в Управлении Всевобуча при Всеросглавштабе. Одновременно я был зачислен курсантом на Центральные Высшие курсы Всевобуча.

«Создавая Красную Армию, советское правительство первостепенное значение придавало подготовке новых командных и политических кадров, которое осуществлялось на специальных краткосрочных курсах и в школах. Основной формой подготовки командных кадров на начальном этапе явились краткосрочные курсы».

Обучение на Центральных Высших курсах Всевобуча продолжалось около трех месяцев. По окончании курса мне было присвоено звание военного комиссара. Основную часть курсантов составляли рядовые красноармейцы-коммунисты, из которых многие не имели раньше военной подготовки. В большинстве своем это была молодежь в возрасте от 18 до 25 лет: красноармейцы, краснофлотцы, работники полторганов, рабо-

чие, крестьяне, работники комбедов, сельсоветов и волостных партячеек. Общее образование слушателей курсов было не выше церковноприходской или обычной начальной школы. Программа курсов представляла в основном изучение военных и политических дисциплин. По циклу общеобразовательных дисциплин курсантам преподавали русский язык, литературу, математику, географию.

Работа была очень напряженной, и личного времени почти не оставалось. Жил я в то время в Хамовнических казармах... Изредка приходили письма от жены и сестер. В одном из писем Руфина сообщила мне, что вступила в партию РКП(б).

Продолжая учиться на курсах, я одновременно работал инспектором в Управлении Всевобуча при Всеросглавштабе.

....Получили для распространения и изучения свежий тираж «Книжки красноармейца», образец которой был утвержден ВЦИК в конце 1918 года. В ней простым, доступным языком рассказывалось о предназначении Красной Армии, о воинском долге и обязанностях красноармейца перед трудящимися и советским государством. Она содержала в себе текст декретов и постановлений, относившихся к Красной Армии, а также необходимые советы и рекомендации красноармейцам.

Несколько раз участвовал в параде войск Всевобуча на Красной площади.

18 марта — похороны Я. М. Свердлова на Красной площади. О Свердлове я слышал, когда еще учился в реальном. Его отец — еврей-ювелир — имел небольшой магазинчик и жил неподалеку от нас. Несколько раз я видел его в ... (неразборчиво — сост.) А теперь стою в оцеплении у Никольских ворот при его похоронах. Выступал Ленин, но слов, из-за дальности расстояния слышно не было.

...Закончить курсы мне не удалось, так как был направлен для прохождения службы в Приуральский военный округ. Весной 1919 года вновь обострилась обстановка на Восточном фронте. Главные удары должны были нанести войска Колчака. По нашим сведениям, Колчак располагал силами более 300 тыс. человек.

«...Имея большое превосходство в силах и средствах, противник прорвал оборону войск Восточного фронта и, разбивая наступление, овладел городами Уфа, Воткинск, Бугульма, Бугуруслан, Орск, Актюбинск, подошел на расстояние 85~100 км от Волги».

По указанию ЦК партии на Восточный фронт было послано более 100 тыс. человек, в том числе 15 тыс. коммунистов. В это число попал и Николай Евграфович. Он получил назначение в Северную группу войск, куда входили 2-я и 3-я армии под командованием В. И. Шорина.

Из воспоминаний племянницы:

В конце апреля 1919 года Николай Евграфович приехал в Нижний и сказал, что получил назначение на Восточный фронт. Сборы и прощание были короткими. Их отряд стоял в Нижнем лишь одну ночь... Вместе с ним поехала на фронт и Руфина. Коротко подстриженная, с горящими от возбуждения глазами, переодетая в военную форму, она напоминала нам образ легендарной Жанны д'Арк.

По свидетельству очевидцев, за несколько недель Руфина научилась управлять автомобилем, ездить на лошади, стрелять и рубить шашкой не хуже любого заправского кавалериста. В период всего контрнаступления Красной Армии она «стремя в стремя» сражалась рядом с Николаем Евграфовичем.

Военная хроника

Советское главнокомандование директивой от 21 мая 1919

года дало указание:

«Северной группе войск (2-я и 3-я армии) овладеть Екатеринбургом и оказать содействие 5 армии в овладении Челябинском...».

Это контрнаступление для войск Северной группы оказалось неудачным. Из-за слабости боевой подготовки наши части не смогли прорвать оборону белых и вынуждены были отступить в сторону Вятки... 2 июня 1919 года 28-я стрелковая дивизия оставила город Глазов... Красные войска отошли почти до Вятки, но Колчак не имел возможности закрепить свой успех и занять Вятку, так как вынужден был начать перегруппировку сил на Уфимском направлении, где войска под командованием М. В. Фрунзе разбили армию генерала Ханжина и овладели Уфой. В июле 1919 г. командующим Восточным фронтом был назначен М. В. Фрунзе. Под его руководством армии Восточного фронта блестяще справились со своей задачей.

11 июля освобожден от осады Уральск. 13 июля овладели Златоустом.

В ночь с 14 на 15 июля войсками 2-й армии Шорина и «Азинской» дивизией освобожден Екатеринбург.

Фрагмент архивной справки Свердловского краеведческого музея от 28 января 1984 года.

«1. Екатеринбург освобожден от белочехов 2-й армией — командующий Шорин. Непосредственно: 21-я стрелковая дивизия под командованием Овчинникова и 28-я стрелковая дивизия («Азинская») — командующий В. Ази».

В конце июля 5-я армия М. Н. Тухачевского разбила последние резервы Колчака.

В августе Н. Пестов был вызван в Москву для окончания Центральных Высших курсов Всевобуча.

В сентябре 1919 года Н. Е. Пестову присваивается Звание окружного военного комиссара, и он назначается Всеросглавштабом на должность Начальника Управления Всевобуча Приуральского военного округа.

Получив в Москве во Всеросглавштабе назначение, я переехал для постоянного жительства в Свердловск, — пишет Н. Е. Пестов в своих воспоминаниях. На этой должности в Свердловске я оставался до 1921 года. Там я пережил два года — самых тяжелых в моей жизни... Вспоминать все это зло, которое я совершил в те годы, мне всего тяжелее... Весь этот кошмар... (далее неразборчиво две строки)... карамазовская грязь... (далее зачеркнуто две фразы)... Все это было при отсутствии у меня христианской веры.

Продолжение архивной справки

«2. Всевобуч существовал в Приуральском военном округе с 22 мая 1918 года (Решение Уральского Областного Исполнительного Комитета). Его возглавляли с 31 мая 1918 года окружные военные комиссары тов. Ф. И. Голощекин и С. А. Анучин; с января 1919 г. — тов. М. М. Лукоянов.

В 1919 году в августе образовано Окружное управление по Всевобучу. Начальником Всевобуча Приуральского военного округа с 1919 (августа) по 1920 (декабрь) был окружной военный комиссар Н. Е. Пестов.

3. Сведений о Всевобуче за 1921-1922 гг. в архиве Свердловского краеведческого музея не имеется».

Военная хроника

Деятельность военного комиссара Приуральского округа проходила в обстановке продолжающейся Гражданской войны, интервенции и хозяйственной разрухи. По Приуралью бродили отряды разбитых колчаковских войск, которые сильно вредили

нашим тылам. Необходимо было их ликвидировать, чтобы создать на Урале надежный тыл, чтобы не ждать ежеминутно из-за угла выстрела в спину.

...За летние месяцы 1919 года в армию влились многие тысячи белых дезертиров. Такие пополнения требовали тщательной проверки, так как ввиду отсутствия предварительной обработки, попадая на фронт, такие пополнения отрицательно действовали на боеспособность войск... В это же время в ряды армии вливались новые сотни тысяч рабочих и крестьян, которых нужно было воспитывать в духе строжайшей военной дисциплины, разъяснять им те идеалы, за которые они воюют с интервентами и Белой гвардией.

...Организация политического воспитания бойцов Красной Армии во многом осложнялась их неграмотностью и малограмотностью. Количество неграмотных во многих частях и соединениях доходило до 80 процентов. Поэтому ликвидация неграмотности среди бойцов Красной Армии являлась одной из основных задач выполнения программы Всевобуча. ...Все трудящиеся области должны были пройти военную подготовку по программе Всевобуча (96 часов) и стать на учет как военнообязанные. Каждый коммунист, по постановлению ЦК РКП(б), обязан был изучить программу Всевобуча.

Как начальнику Всевобуча, мне постоянно приходилось совершать поездки по всему округу. В одну из таких поездок на Верхне-Синягихенский завод мне пришлось проезжать неподалеку от г. Алапаевска. Я ехал в автомобиле с Н. Г., секретарем Алапаевского совета. Невдалеке от дороги, рядом с каким-то заброшенным строением, мое внимание привлек большой покосившийся крест. Я спросил

— Чья это могила?

— Да не могила это, — ответил Н. Г., — крест поставили бе-

ляки на том месте, где казнили царских родичей в июле восемнадцатого. Неподалеку от креста и штольня, куда их сбрасывали...

— Что же, тела еще там?

— Нет, комиссар, белые как только заняли это место, сразу их всех вытащили и увезли...

— Есть у вас список казненных?

— Есть, в Екатеринбурге, должно, есть, — ответил секретарь.

Достать список не составило труда. Среди прочих знакомых имен Великих князей было и имя Великой княгини Елизаветы Федоровны... (игумений Елизаветы). Перед глазами встало ее лицо, обрамленное белым апостольником, с печальным и кротким взглядом...

О дальнейшей судьбе ее тела, о том, что она погребена в Гефсимании (Палестина), я узнал много лет спустя.

Из дневника Николая Евграфовича

Сентябрь 1918 года.

...Во время осмотра Екатеринбурга и служб Всевобуча посетил Ипатьевский дом. Вот уже не думал, что буду на том месте, где закончилась жизнь Николая II и его семьи. Впечатление от дома тяжелое. Почти во всех комнатах сорваны обои, пробиты перегородки и перекрытия, грязь, битые стекла и штукатурка... В коридоре следы от пуль и копыт. Очевидно, дом горел. Некоторые комнаты обставлены довольно приличной мебелью. Дом жилой.

Вечером вспомнил свои встречи с царем.

В Екатеринбурге (Свердловске), где я жил постоянно, периодически проводились смотры войск Всевобуча. Дважды наши «парады» принимал Председатель Реввоенсовета Республики. Этот пост в те годы (до января 1925 года) занимал Л. Д. Троцкий¹. С этим человеком мне пришлось довольно близко

познакомиться. Я сопровождал его в инспекционной поездке по частям, расквартированным по различным городам Приуралья (Свердловская обл.). Спустя много лет, вспоминая те годы, я прихожу к выводу, что это была поистине демоническая личность. И тем более горько сознавать, что в тот период я своими действиями и поступками заслужил его одобрение. Его портрет очень четко описан в книге Д. Рида «10 дней, которые потрясли мир».

«Невысокого роста, в пенсне... Худое, заостренное лицо Троцкого выражало злобную иронию...»

«...На трибуну поднялся уверенный и владеющий собой Троцкий. На его губах блуждала саркастическая улыбка, почти насмешка (мефистофелевская — Н. П.). Он говорил звенящим голосом, и огромная толпа подалась вперед, прислушиваясь к его словам».

В его облике и словах было действительно нечто такое, что заставляло людей слушать его, верить ему и гореть дерзанием, чувствуя себя борцами за все человечество. Следует отметить, что в то время Троцкий был фигурой номер один на политическом горизонте. Вслед за Лениным тотчас же упоминался Троцкий.

«Есть только один путь. Беспощадная борьба! Борьба до полной победы мировой революции!», «За каждого убитого революционера уьем пять контрреволюционеров!» — говорил Председатель Реввоенсовета.

И убивали...

Во многих речах Троцкого явно проступал политический авантюризм. Был он жесток и не останавливался на полпути для исполнения своих далеко идущих целей. Использовал сам и рекомендовал использовать «в борьбе за мировую революцию» все возможные и невозможные действия.

Во время своего последнего

приезда в Екатеринбург Троцкий подарил мне свою книгу с дарственной надписью: «Моему другу и соратнику Н. Пестову на память. Лев Троцкий».

Из воспоминаний Зои Вениаминовны:

Эта книга вместе с двумя фотографиями, на которых был изображен Н. Е. Пестов с Троцким (во время смотра войск Всевобуча), хранились в семье до 1930 года.

На одной из фотографий был зафиксирован момент встречи Троцкого. Троцкий выходит из автомобиля, и его встречает Николай Евграфович — в папаше, в длинной шинели, перепопаянный португепями. На другой фотографии изображен групповой снимок. (Троцкий, зам. пред. губчека Юровс (...), комиссар Пестов, член РВС Восточного фронта Максимова). Книгу и фотографии я сама сожгла в 1930 году. Если бы при обыске их обнаружили, то пострадала бы вся семья...

За годы Гражданской войны Николаю Евграфовичу неоднократно приходилось встречаться с такими людьми, как М. В. Фрунзе, И. И. Вацетис, М. Н. Тухачевский, В. И. Шорин, Г. Д. Гай, С. С. Каменев и другими крупными военными и государственными деятелями. Это просто счастье, что он не остался служить в армии и отдалился от политической деятельности... В период культа личности Сталина в числе «врагов народа» оказались почти все военачальники времен Гражданской войны. Им всем инкриминировались «предательство и шпионаж». Если бы Николай Евграфович остался служить в армии, то ему бы не дожить до наших дней...

В те годы в личной жизни Николая Евграфовича произошли какие-то трагические события, о которых он никогда не рассказывал. Достоверно известно, что в начале 1921 года Руфина ушла

от него. Больше они не встречались.

В июле 1921 года Николай Евграфович увольняется из рядов РККА.

Что заставило его так круто изменить свою жизнь? В своей биографии он пишет так: «Постепенная стабилизация обстановки в России позволила мне демобилизоваться и вернуться в Москву для окончания своего образования...». Однако запись в дневнике, датированная 1 марта 1938 года, заставляет взглянуть на эти события иначе, позволяя с уверенностью сказать, что подлинной причиной оставления службы в армии и переезда в Москву послужило громадное духовное потрясение, происшедшее с Н. Е. Пестовым в тот период.

Выписка из военного билета начальствующего состава запаса РККА № РЩ 14184

...Пестов Николай Евграфович 1892 года рождения... Общие сведения:

партийность — б. партийный
национальность — русский

Воинское звание: окружной комиссар (старший административный состав код. 24).

Военное образование: Центральные 3-х месячные курсы Всевобуча г. Москва в 1920 г. Сведения о службе в рядах РККА:

Вступил в ряды РККА - октябрь 1918 г.

Губернские курсы Всевобуча на должность делопроизводителя. Основные должности в РККА:

Делопроизводитель — 2 м-ца
Инспектор Всевобуча — 5 м-цев

Курсант — 3 м-ца

Начальник окружного управления — 2 года ...Уволен из рядов РККА:

Июль 1921 г. из Окруж. Управления Всевобуча

по должности: Начальник Окр. Упр.

со званием: окружной комиссар... г. Москва. Народный комиссар обороны СССР. 1939 г.

Научная и педагогическая работа (1923-1941)

Еще не окончив своего образования в МВТУ, я по рекомендации моего руководителя, академика Э. В. Брицке, был зачислен сотрудником Научного института по удобрениям, где преподавал и вел исследовательскую работу...

Тотчас же по окончании МВТУ я стал помогать академику Э. В. Брицке в качестве ассистента и около 1928-1929 годов стал вести технико-экономические расчеты при кафедре минеральных удобрений и затем читать доцентский курс по технологии азотных, калийных и сложных удобрений. Из МВТУ перешел с химического факультета во 2-й МХТИ, а затем в Военную академию химической защиты Красной Армии им. К. Е. Ворошилова, где в должности зав. кафедрой калийных солей проработал до октября 1933 года. С осени 1933 года оставил Военно-химическую академию и до осени 1937 года преподавал в МХТИ им. Менделеева, где читал курс, руководил дипломным проектированием и дипломными работами по специальности «Технологии минеральных удобрений». Помимо указанной педагогической работы я читал эпизодические лекции и циклы на предприятиях для инженерно-технического персонала (в Бобриках, на Воскресенском химкомбинате), преподавал в Высшей академии комсостава промышленности и руководил аспирантами НИУ.

...Мои научные работы посвящены термическим процессам переработки фосфатов на удобрения, комбинированным и сложным удобрениям, методике анализа удобрений, методам расчета, обследованию установок, технологии чистых и техни-

ческих фосфатов и др.

Будучи на работе в НИУ, принимал участие в работе с опытными установками на заводах и обследовании производственных установок (Черноречье, Константиновский химический завод).

В последнее время (начало 40-х годов — сост.) работал над методикой научно-исследовательской работы (написал ряд статей и книгу), над получением маг-ниесодержащих удобрений и определением физико-химических свойств в удобрениях. Всего имею около 160 научно-исследовательских работ, монографий и статей.

В 1931 году от Комитета по химизации получил премию за научные труды. В 1933 году был премирован ударной грамотой в НИУИФ, и в 1935 г. в МХТИ им. Менделеева.

В ноябре 1934 года утвержден ВАК в звании профессора по кафедре минеральной технологии.

11 мая 1935 года утвержден ВАК в ученом звании действительного члена института НИУИФ по специальности «Химическая технология».

С 1935 года по 1937 год состоял председателем программно-методической комиссии ГУУ-За НКТП по химическим ВТУЗам.

Выписка из трудовой книжки

Сведения о поощрениях и награждениях

1923 г., 4 ноября

Приказ по НИУИФ №165-а

«За лучшее выполнение работ в ударном порядке премирован почетной грамотой».

1924 г., 16 февраля

Приказ по НИУИФ №34

«За выполнение имеющих большое практическое значение исследований 22 различных слежавшихся удобрений сверх плана, объявляется благодарностью».

1936 г., 2 мая Приказ по НИУ-

ИФ №69 «За выполнение оригинальной и методически важной работы объявляется благодарностью».

Моя работа в Менделеевском институте закончилась конфликтом с общественностью.

Шел 1937 год. Почти ежедневно на страницах центральных газет помещались сообщения о процессах над «врагами народа» — видными государственными и партийными деятелями, представителями советской науки и интеллигенции.

«В Москве мучительно воспринимали арест того или другого человека, в невинности которого были убеждены», — писал о тех годах в своих мемуарах И. Эренбург.

Я не присутствовал ни на одном собрании, где выступили бы люди, протестуя против расправы с товарищами, в невинности которых они не сомневались... Мы видели, как арестовывают людей, никогда не примыкавших ни к какой оппозиции, верных приверженцев Сталина или честных беспартийных специалистов. Народ окрестил те годы «ежовщиной».

В те годы, по словам того же И. Эренбурга, чтобы выжить, нужно было «жить, сжав зубы, и научиться одной из самых трудных наук — молчанию».

Но были мужественные люди, которые находили в себе силы сказать «нет» тому, что творилось вокруг них. Эти люди заплатили смертью за свое мужественное поведение. ...Тухачевский, Постышев, Эйхе, Брюханов, Рудзук... Да всех разве перечтешь. Среди них были и те, кого я лично знал в годы революции и Гражданской войны.

Да, выступить в те годы против официальной линии, так сказать нарушить «молчание», было равносильно подписанию себе смертельного приговора. И, тем не менее, мне пришлось это сделать при следующих обстоятельствах. В Менделеевском инсти-

туте я работал на кафедре проф. Н. Ф. Юшкевича, под его непосредственным руководством. Это был талантливый ученый-химик, оказавший большое влияние на развитие отечественной химической школы. Именно по его представлению я был утвержден ВАК в звании профессора. В апреле 1937 года зав. кафедрой проф. Юшкевич был арестован ГПУ, потом освобожден, а затем снова арестован. В связи с этим аспиранты потребовали провести собрание кафедры, чтобы выяснить, что вредного было в педагогической деятельности «врага народа» Юшкевича. Как старший на кафедре, я должен был председательствовать на собрании. Открыв собрание и взяв слово, я высказался за то, что необходимо пока подождать осуждать Юшкевича до разбора его дела в ГПУ и официального уведомления об этом руководства института. Это противоречило мнению молодых и горячих аспирантов.

— Профессор, — сказала мне одна девушка, — неужели Вы не понимаете, что ГПУ не ошибается?!

Мне ничего не оставалось делать, как уйти с собрания кафедры, передав председательство одному из доцентов...

Через несколько дней, придя на работу, я увидел, что люди стараются как бы не замечать меня. Виногато улыбаясь, прячут глаза и стараются со мной не разговаривать. Было обидно и больно за них, но я старался работать, как будто бы ничего не произошло. Неделю спустя, придя на работу, я получил приглашение зайти в отдел кадров, где мне вручили выписку из приказа № 168 по Московскому химико-технологическому институту им. Менделеева.

ПРИКАЗ

Профессор кафедры основной химии Пестов Н. Е., как не получающий учебно-преподавательской нагрузки (часов) с

пересмотром штатов на 37-38 уч. год, освобождается по МХТИ с исключением из штата с 1 июля 1937 года.

Основание: распоряжение тов. Маслова.

Через несколько дней после увольнения из МХТИ им. Менделеева я был освобожден от председательствования в программно-методической комиссии ГУУЗа по химическим ВТУЗам. Но у меня еще оставалась работа в Научно-исследовательском институте по удобрениям (НИУ-ИФ).

Положение мое было очень серьезным. Почти ежедневно, скорее еженощно, я ожидал ареста. Считаю, что только по молитвам моих детей, жены и духовного отца я в то время не был арестован и остался жив.

Прошло два года. Летом 1939 года совершенно неожиданно для себя я получаю по почте письмо следующего содержания:

«Многоуважаемый Николай Евграфович! Сообщаю, что Вы единогласно избраны на заседании совета 16/У1-39 г. заведующим кафедрой химической технологии нашего института.

Прошу по получении сего зайти в институт.

Зам. директора проф. Шлифштейн».

На бланке стоял исходящий номер и штамп Московского инженерно-экономического института им. Серго Орджоникидзе.

«Недоразумение какое-то, — подумал я, — этого не может быть!»

Но бумага передо мной, и это не галлюцинация... На другой же день я был в институте и принимал поздравления от своих будущих сослуживцев. С 1 сентября 1939 года я приступил к работе в МИЭИ.

У Николая Евграфовича сохранились документы, подтверждающие его работу в МИЭИ. В одном из этих докумен-

тов говорится: «Профессор Н. Е. Пестов зачислен по конкурсу в МИЭИ на должность заведующего кафедрой химической технологии с 1 сентября 1939 года и работает непрерывно на этой должности по настоящее время. Помимо того, с декабря 1942 г. по октябрь мес. 1943 г. состоял деканом химического факультета. С октября 1943 г. состоит заместителем директора по научной и учебной работе...»

...На базе моих научных исследовательских работ я написал докторскую диссертацию «Физико-химические свойства порошкообразных и зернистых продуктов химической промышленности». После защиты этой диссертации в январе 1941 года в Академии наук СССР я получил степень доктора химических наук и был утвержден в этой степени приказом ВАК.

Моя диссертация размером в 15 печатных листов была напечатана отдельным выпуском издательством Академии наук СССР. В 1947 году мой брат Владимир Евграфович, живший в эмиграции в Болгарии, узнал обо мне, посетив в Габрове выставку работ Российской академии наук.

Воспоминания сослуживца профессора К. М. Б-го

Годы войны явились для Н. Е. Пестова годами интенсивной научной и педагогической деятельности. Его работы печатались и у нас в стране, и за рубежом. Некоторые аспекты его научных трудов имели непосредственное отношение к оборонной промышленности, что было чрезвычайно важно в годы тяжелых военных испытаний для нашей Родины.

...Приказом ВЦИК от 4 ноября 1944 г. Н. Е. Пестов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Выписка из Ведомостей Верховного Совета СССР за 1944 год № 68

Указы Президиума Верховного Совета.

О награждении орденами и медалями работников высшей школы.

За выдающиеся заслуги в деле подготовки специалистов для нужд народного хозяйства и культурного строительства награждать:

орденом Трудового Красного Знамени...

117. Пестова Николая Евграфовича, профессора и доктора химических наук Московского инженерно-экономического института им. С. Орджоникидзе. Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин

Москва. Кремль.

4 ноября 1944 г.

Из дневника Н. Е. Пестова

3 мая 1945 года

Приближается Пасха, в этом году поздняя. Скоро и конец войне. В Богоявленском соборе сегодня, в Великий Четверг, служил наш новый Патриарх Алексей.

6 июня 1946 года

Работа в институте занимает очень много времени. Пост заместителя директора по научной работе заставляет быть в курсе всех последних достижений химической науки...

...Работаю много и увлеченно...

...Знание языков помогает мне в знакомстве с последними зарубежными достижениями в области технологии минеральных удобрений.

В 1946 году Николай Евграфович был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Последний период государственной службы

Сведения о работе

...Всего по списку научных работ, статей, фондовых трудов в НИУИФ и монографий числит-

ся с 1926 года по 1952 год 182 названия и зарегистрировано 4 патента и авторских свидетельства.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 октября 1953 года за выслугу лет и безупречную работу в числе работников науки высших учебных заведений г. Москвы Николай Евграфович был награжден орденом Ленина.

Награда вручена за № 241007.

Орден Ленина мне вручали в Кремле в Президиуме Верховного Совета СССР. Меня заранее информировали о дне вручения ордена и выдали специальный пропуск для входа в Кремль. В то время Кремль для посещений и осмотра был закрыт. Группе награжденных научных работников из различных организаций после церемонии награждения была предоставлена возможность осмотреть Кремль и посетить его соборы. В сопровождении кремлевских сотрудников мы заходили в соборы Кремля, и нам читалась краткая лекция по истории. Заходим в Успенский собор. Идем вдоль стен собора, любуясь его величественными фресками.

Перед нами возникает чугунный шатер над могилой священномученика Патриарха Гермогена.

Впереди меня, в двух-трех шагах, идут двое из награжденных. Вдруг один из них останавливается и громко говорит:

— Какой запах! Откуда такой аромат?!

Еще шаг, и я ощущаю неземное благоухание, струящееся от раки с мощами Святителя Гермогена.

Все остановились в недоумении.

— Товарищи, проходите дальше, у нас время ограничено, — торопит экскурсовод.

Некоторые просят его объяснить происхождение этого благоухания. Но экскурсовод отвечает, что ничего не чувствует, так

как часто приходится здесь бывать... Возможно, уже привык... А, скорее всего, запах издает кипарисовое дерево и смола... (Какая? Где? Ответа нет...)

Через несколько дней, — пишет Николай Евграфович в своих воспоминаниях, — я получил от директора института Козловой письменное приглашение быть у нее в кабинете в назначенное время.

Придя в кабинет, я застал там и секретаря партбюро МИЭИ. Разговор был короток и сдержан.

— Николай Евграфович, — сказал директор, — мы знаем, что Вы ходите в церковь. Вас там видели студенты.

— Да, это правда.

— Мы хотим предложить Вам уйти на пенсию.

— Наш разговор будет очень коротким, — отвечал я, — у меня пенсионный возраст (68 лет), и я могу уйти хоть сегодня.

Присутствующий при разговоре секретарь партбюро предложил мне не торопиться и закончить учебный год. Я согласился.

На этом разговор окончился.

«Памятный день в моей жизни»

«Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»
(Мф. 10, 16)

Оканчивая 10-й класс, Колюша (сын Н.Е.) по заданию школы написал сочинение «Памятный день в моей жизни», касавшееся нашей семейной хроники. Это сочинение написано живым языком и характеризует остроумие и наблюдательность Колюши. Оно вместе с тем не лишено и здоровой философии. Все это делает интересной эту работу Колюши, которому тогда исполнилось только семнадцать лет.

Памятный день в моей жизни

Трудно написать сочинение, а найти тему еще труднее. Я в двадцатый раз обмакнул перо

в чернила и, поглядев на совершенно чистую страницу тетради, понял, что надо спать. Из трех тем, данных для сочинения, я не мог выбрать ни одной.

«Мой любимый писатель» — Это Эдмон Ростан, которого сейчас забыли. Начнешь им восхищаться, а он вдруг и окажется по одним сведениям романтиком, а по другим — реакционером.

«Памятные события в моей жизни». Таких со мной как будто бы не было. Я никого не спасал, и меня не приходилось спасать ни из воды, ни из огня, разве только из неловкого положения у доски.

О Москве тоже писать нечего, потому что...

Я уже засыпал, и мысли начинали путаться. Перед глазами мелькали события последних дней. Чей-то голос говорит: «А тему Вы выбрали очень удачную!» Я сразу пришел в себя: «Какую тему? Кто это говорит? Ах, да. Это академик-орденоносец К-в. Вспомнил. Событие как будто бы памятное. Спасибо К-ву, ведь это же тема для сочинения». Я сейчас же вскочил, оделся и принялся писать. И к утру сочинение было готово.

То событие, которое я опишу, было долгожданным, а потому и памятным. Папе предстояло выступать в Академии наук с защитой докторской диссертации. Это слово повторялось у нас уже два года, и вот наконец наступило желанное утро.

Мама приготовила мне отглаженные брюки и впервые накрахмалила воротничок. «Плоховат костюмчик, — сокрушалась она, — вот на первую прибавку справим». Я знаю, что она мечтает о той прибавке к жалованию, которая ожидалась после защиты диссертации. Я не возражал против этого резонного замечания, хотя знал, что того, что мама собирается сделать на первую прибавку, хватило бы на целую пятилетку.

Наконец мы едем. Я нагружен чемоданами с папиными «тру-

дами» за двадцать лет и канцелярской бухгалтерией по этому делу за два года; мама — свитком чертежей и диаграмм. Мама говорит, что в этих трудах и чертежах половина ее жизни, и если их сейчас украдут, то... Она не договаривает, но я соображаю, что мне придется остаться без костюма.

Мы доехали благополучно, прибыв в Академию наук без потерь, и это был мой первый шанс на костюм. И вот я уже в зале заседаний развешиваю чертежи один под другим, чтобы в течение доклада постепенно снимать их. Мама разложила на столе папины «труды» и выводит на доске формулы крупными жирными буквами. Неужели кто-нибудь может сделать это для папы лучше, чем мама?

После двух звонков зал стал заполняться научными работниками. За столом рассаживались члены ученого совета Академии наук. Здесь были и старики, и пожилые, но молодых не было. У нескольких человек в петлицах поблескивали ордена.

Наконец раздался звон колокольчика, и председатель совета с опозданием на четверть часа объявил, что заседание ученого совета Академии наук считается открытым. На повестке дня защита диссертации профессора Пестова на тему «Физико-химические свойства солей и их определения» для присуждения степени доктора химических наук, и диссертации тов. Ч-вой на тему «Физико-химические свойства боратов» на соискание степени кандидата химических наук.

К моему сожалению, вместо папиного доклада началась заседательская канитель. Из тридцати трех членов совета присутствовал двадцать один человек, а надо не менее двух третей состава. Из-за одного человека срывалось заседание, одни предлагали его отложить, другие — продолжать.

Минут пять спорили, утвер-

дит ли президиум Академии наук постановление совета, в котором не хватает одного человека. Вдруг является один опоздавший. Общее недовольство, но у него оказывается уважительная причина. После этого приступили к делу. Зачитали папину биографию, характеристику с места работы. Наконец докладчик получает слово.

Из всего доклада я уловил только начало — практическое значение работы, а исследования и результаты оказались для меня слишком крепким «гранитом науки», я занялся тем, что стал следить за поведением членов совета и аудитории. В первом ряду сидел какой-то полковник, все время записывая что-то в блокноте, списывая с доски формулы, срисовывая диаграммы и чертежи.

Тем временем наступает момент, когда мне надо снять с доски чертежи. Я не решаюсь на это, — может быть, они еще нужны папе, хотя он о них уже говорил. Но вот папа сам начинает снимать чертежи, — меня охватывает раскаяние в своей робости. «Идти или не идти помочь папе?» Один чертеж падает с доски. В тот же момент я срываюсь со своего места в первом ряду и вскакиваю на сцену. Я быстро и нервно снимаю чертежи, так как чувствую на себе взгляды сотен людей, удивляющихся моему внезапному появлению. Второй раз мой выход на сцену уже не был сенсацией.

Папин доклад длился час, потом начались прения. Секретарь зачитал отзыв академика К-ва, не присутствовавшего на заседании. К-в дал блестящий отзыв. Он очень много говорил о работах папы, широко известных как советским, так и иностранным специалистам, о значении исследовательского таланта, о своеобразных и оригинальных, совершенно новых методах анализа и исследований, открытых папой. Папа предстал в моем во-

ображении гением, человеком, открывающим новые пути развития науки и техники.

Я задумался и опомнился лишь тогда, когда секретарь прочел, что работа профессора Пестова имеет косвенное значение и для производства взрывчатых веществ. Я оглянулся на полковника, который все еще что-то писал. «Вон как, — подумал я, — даже военное значение; это, пожалуй, самое важное и значительное в наше время».

Отзыв К-ва кончился. Другой оппонент читал свой отзыв, потом третий. Оба они были папиными сослуживцами, были его ближайшими друзьями, но поскольку в их обязанности входит критика, то они, наряду с достоинствами, отмечали и недостатки работы. Тут неясность, там недоработка, здесь противоречие закону Генри, вывод не совпадает с «общепринятой установкой» и т.д. Но все три отзыва кончились одной фразой: «Считаю профессора Пестова вполне заслуживающим ученой степени доктора химических наук».

Начались высказывания членов совета. Казалось, каждый из них считает своим долгом высказаться, иначе могут подумать, что он ничего не понимает. Опять начались формальные придирики. Один профессор заметил что-то о сложности выведенной формулы.

По окончании прений папе предоставили заключительное слово. Папа отвечал на вопросы и замечания. Что касается закона Генри, то это не противоречие, а уточнение; вывод не только не согласован с «общепринятой установкой», а совсем опровергает ее. Относительно сложности формулы папа сказал, что закон создан природой, он его нашел, вывел формулу и доказал ее, и не его вина, что природа такова, какова она есть. Где-то одобрительно зашептали; сконфуженный профессор стал доказывать своему соседу

возможность алгебраического упрощения формулы.

Приступили к голосованию. Принесли урну, запечатали, члены совета опустили туда заполненные бланки. Я не сомневался, что результаты голосования будут положительны. Но после оживленных прений эта утомительная процедура, окончившаяся тем, что урну унесли, оставила впечатление, будто с урной унесли и мой костюм.

Перешли к слушанию доклада тов. Ч-вой. Ее доклад сопровождался громадным количеством диаграмм, чертежей и схем. Нет надобности подробнее останавливаться на ее докладе. Скажу только, что бесконечное повторение слов «бораты», «дибораты», «гидробораты» и пр., бесконечная смена чертежей и диаграмм, скупой научный язык привели к тому, что у меня создалось впечатление, что все ее работы — первоклассно развитая терминология и ничего больше. И потому я стал опасаться, что совет «провалит» ее.

Доклад закончился и начались прения. И первый же отзыв перевернул мое мнение по этому вопросу. Оппонент обращал особое внимание на точность работы, кропотливость медленных исследований, выдержку и терпение диссертанта, которая иногда в течение семи месяцев ждала результата своего опыта. Для составления одной из сорока диаграмм требовалось проделать десятки опытов. Значит, всего их было проделано больше тысячи. И тут я понял, какое трудолюбие, какую огромную усидчивость надо иметь для исследовательской работы, и я жалел, что не обладаю правом голоса, чтобы голосовать «за».

Унесли и вторую урну, все ждали результатов голосования.

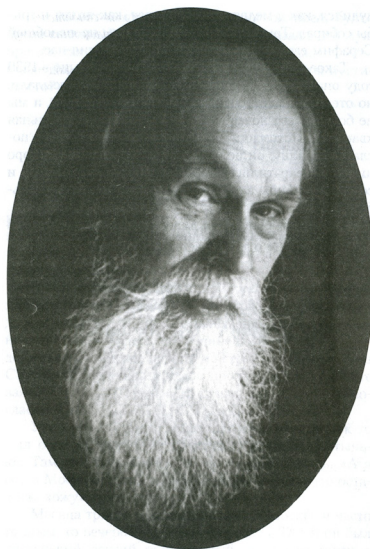
Наконец секретарь попросил тишины и стал читать результаты голосования ученого совета Академии наук. Итоги голосования по защите диссертации профес-

сора Пестова были следующими: шестнадцать голосов «за», четыре «воздержались» и два — «против».

«Поэтому ученый совет Академии наук считает нужным присвоить профессору Пестову ученое звание «доктора химических наук», — читал секретарь. Общие аплодисменты, и я уже чувствую на своих плечах шуршание нового костюма.

Итоги голосования по защите диссертации тов. Ч-вой: двадцать два голоса «за», воздержавшихся нет, «против» — тоже нет...

Последние слова были заглушены вторым взрывом аплодисментов. Толпа сотрудниц

подносила героине дня цветы. Председатель ученого совета Академии наук академик орденосец К-ков жал папе руку и говорил ему ту самую фразу, которая разбудила меня во сне: «А тему вы выбрали очень удачную».

О последующем я помню уже очень смутно: у меня в голове были мысли совсем другого порядка. Результаты голосования еще раз поставили передо мной вопрос, что важнее: талант или усердие, гениальность или трудолюбие?

Раньше я думал, что гениальным людям присущи особые выдающиеся способности

и природные дарования. Теперь я понял, что это не совсем так. Я вспомнил мнение Оствальда о том, что успехи гения обуславливаются прежде всего напряженным целеустремленным трудом в течение длительного времени. Я вспомнил Дарвина, одиннадцать лет работавшего над «Происхождением видов»; Маркса, сорок лет создававшего «Капитал»; Эдисона, толкнувшего XX век на путь века электричества; Ломоносова, на полтора столетия опередившего научную мысль; и я согласился с мнением Оствальда, что гением может быть всякий при наличии даже средних способностей и дарований.

И тот день, когда передо мной со всей своей ясностью и серьезностью встал реальный вопрос о необходимости перестроить свою психологию, повернуть принцип работы от «схватывания на лету» к усидчивости, — этот день я считаю самым памятным днем в моей жизни.

Из воспоминаний внука

Последние годы своей жизни Н.Е. все больше слабел. Однако, он никогда не жаловался и, превозмогая недуг, старался служить всем, чем только можно. Посетители по-прежнему приходили к нему и получали духовное утешение.

Осенью, в октябре, он переехал с дачи в Москву к своей дочери. Здесь, в Отрадном, и закончилась почти девяностолетняя многотрудная жизнь Николая Ефграфовича.

Погребен он на кладбище при Смоленско-Никольском храме села Гребнево МО рядом с могилой жены.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ПЛАНОВСКИЙ*К 100-летию со дня рождения**Рудобашта С.П., Московский государственный агроинженерный университет*

8 сентября 2011 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося учёного Александра Николаевича Плановского. Вся его многолетняя научная и общественная деятельность тесно связана с развитием химической промышленности и высшей школы.

А.Н. Плановский – один из крупнейших специалистов в области процессов и аппаратов химической технологии, человек, который, можно сказать, стоял у истоков этой науки. Он принадлежит к плеяде знаменитых отечественных специалистов в области процессов и аппаратов химической технологии первого поколения, таких как А.Г. Касаткин, П.Г. Романков, Н.И. Гельперин, В.В. Кафаров, И.И. Чернобыльский.

Его деятельность в области процессов и аппаратов богата и многогранна. Её отличают большие творческие достижения в самых разных областях:

- в массообменных процессах - ректификации, абсорбции, жидкостной экстракции, сушке, адсорбции, экстрагирования из твёрдой фазы, мембранных методах разделения, ионном обмене;

- в тепловых процессах: выпаривании и конденсации;

- в гидромеханических процессах: осаждении, фильтрации, перемешивании в жидких средах, псевдооживлении, смешении сыпучих материалов;

- в механических процессах: измельчении и классификации дисперсных материалов.

А.Н. Плановского отличали исключительная инженерная интуиция, умение слёту схватывать существо вопроса, научная прозорливость.

Биографическая справка

А.Н. Плановский родился в г. Иваново-Вознесенске, там же прошли его ранние детские годы. Его отец Николай Иванович Плановский окончил Московский университет, был химиком-органиком, специалистом по красителям, работал в разное время в Иванове (в переведённом туда Рижском по-

литехническом институте) и в г. Шуе Ивановской области, а позже – в НИИОПИК (Московская область); мать, Ольга Петровна Плановская, в девичестве Ковалёва, окончила с золотой медалью гимназию в Твери и 2-годичные учительские курсы при гимназии [1].

Научная школа А.Н. Плановского насчитывает более двадцати докторов наук и полторы сотни кандидатов наук. Только в области сушки к его научной школе принадлежит более 10 докторов наук и более 30 кандидатов наук. Его учениками, в частности, являются такие специалисты в области сушки, как доктор технических наук и профессора В.И. Муштаев, В.И. Коналов, Г.Д. Кавецкий, А.П. Фокин, А.С. Тимонин, В.М. Ульянов, Ю.В. Космодемьянский, В.А.

Лялин, Г.С. Кормильцин, В.Н. Долгунин, В.М. Дмитриев, автор этих строк.

А.Н. Плановский окончил в 1934 г. Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева. Ещё в студенческие годы им на кафедре, возглавляемой Н.Н. Ворожцовым (старшим), были выполнены две научно-исследовательские работы по усовершенствованию технологии производства бетанафтола, опубликованные в 1934 г. в журнале «Анилокрасочная промышленность». С этих лет началась его продуктивная научная и производственная деятельность, которая продолжалась всю его жизнь.

В 1934 – 1937 годы А.Н. Плановский - сначала инженер-технолог, а затем начальник проекта в Анилхимпроекте, где он разрабатывает проекты реконструкции отдельных производств Дорогомиловского химического завода и проекты ряда новых производств для Рубежанского химического завода.

В 1935 г. А. Н. Плановский свою работу в промышленности начал совмещать с научно-педагогической деятельностью - сначала в МХТИ им. Д.И. Менделеева, а затем (с 1937 г.) – в МИХМ (ныне МГУИЭ), работая сначала ассистентом (1937 – 1939 годы), а затем доцентом МИХМ (1939 г.) и одновременно старшим инженером Научно-исследовательского института органических полупродуктов и красителей (НИИОПИК). По результатам научно-исследовательской работы в НИИОПИК им была подготовлена и в 1939г. успешно защищённая кандидатская диссертация на тему «Непрерывное хлорирование бензола в плёночной аппаратуре». Таким образом, в 1939г. завер-

шилось становление А.Н. Плановского как учёного и начался его плодотворный творческий путь, изобилующий многими научными достижениями.

После защиты кандидатской диссертации в 1939 г. А.Н. Плановский публикует совместно с А.Г. Касаткиным монографию «Процессы и аппараты промышленности органического синтеза» [2]. Книга представляла собой руководство по основным технологическим процессам и аппаратам органических химических производств. В ней рассматривались элементы проектирования, методы технико-экономических расчётов, материальные и тепловые балансы, общие принципы конструирования, технологические схемы отдельных производств. Книга явилась прообразом современных отечественных учебников по дисциплинам «Процессы и аппараты химической технологии», «Расчёт и конструирование химических аппаратов», «Общая химическая технология», поскольку содержала основы знаний по ним. Она была весьма полезна студентам старших курсов вузов соответствующего профиля, химикам-технологам, проектировщикам и инженерам на производстве, что было особенно важно в тот период становления химической и оборонной промышленности в стране.

В 1939 г. А.Н. Плановский начинает постоянную работу в НИИОПИК в должности научного руководителя новой экспериментально-конструкторской лаборатории, где им выполнены такие работы, как «Хлорирование бензола непрерывным методом», «Сульфирование бензола непрерывным методом», «Плавка бензолсульфокислого натрия непрерывным способом», «Разложение фенолята натрия сернистым газом в твёрдой фазе», «Тепловые эффекты химических процессов», «Теплота разбавления нитросмеси», и ряд дру-

гих специальных работ. В это же время он ведёт педагогическую деятельность в МХТИ им. Д.И. Менделеева на кафедре, возглавляемой Н.Н. Ворожцовым (старшим), читая курс «Специальная аппаратура промышленности органических полупродуктов и красителей». Этот курс был издан А.Н. Плановским в 1940 г. в качестве учебника.

Во время Великой Отечественной войны А.Н. Плановский работал вначале главным инженером на опытной установке в НИИОПИК (1941 г.), а затем начальником цеха на заводе № 761 в г. Березники (1941 – 1942 годы), старшим инженером военного отдела Наркомхимпрома (1942 – 1945 годы), активно участвуя в организации освоения выпуска материалов, необходимых для обороны страны. В частности, в эти годы им с сотрудниками было создано производство хлорбензола по новому непрерывному способу, необходимое для производства боеприпасов.

Работы, выполненные А.Н. Плановским в НИИОПИК, были им обобщены в докторской диссертации, успешно защищённой в 1944 г. Основным её стержнем была разработка теории непрерывных процессов применительно к различным химическим и массообменным процессам. На основе опыта эксплуатации промышленных установок и теоретического анализа проблемы в диссертации были сформулированы основные принципы проектирования аппаратов непрерывного действия – как альтернативы периодически действующим аппаратам. А.Н. Плановским было предложено подразделять аппараты непрерывного действия на аппараты идеального вытеснения, полного перемешивания и аппараты промежуточного типа, что имело большое методологическое значение. Им было выдвинуто показание о роли средней движущей силы

процесса в непрерывно действующем аппарате, чётко выявлено влияние гидродинамики потока (в первую очередь, продольного перемешивания фаз) на величину средней движущей силы процесса и, следовательно, на интенсивность работы аппарата. Сейчас эти положения считаются само собой разумеющимися, но в 40-е годы прошлого столетия, когда они развивались, они создавали базис науки о процессах и аппаратах. Его диссертация выявила пути совершенствования реакторов и массообменной аппаратуры, повышения их производительности и открыла новые горизонты в научных исследованиях. Как выразился однажды по этому поводу академик Н.С. Ениколов, «все сразу стало ясно, что надо делать». А делать надо было следующее: в конструктивном отношении надо было стремиться создавать непрерывно действующие аппараты с большой средней движущей силой, а в научно-исследовательском плане надо было развивать методы кинетического расчёта непрерывно действующих аппаратов, учитывающих влияние гидродинамики потоков взаимодействующих фаз на движущую силу процесса, и, следовательно, на его скорость и проводить экспериментальные исследования по изучению влияния определяющих параметров на коэффициенты скорости.

Поскольку точный расчёт полей скоростей взаимодействующих фаз в аппаратах часто представляет весьма сложную задачу, то под влиянием работ А.Н. Плановского, которые привлекли внимание учёных к данной проблеме, стали интенсивно развиваться различные математические модели гидродинамических структур потоков: ячеечная, диффузионная, модели с рециклом, с байпасом (однопараметрические и многопараметрические). На основе этих

моделей стали разрабатываться методы кинетического расчёта непрерывно действующих аппаратов.

Работы А.Н. Плановского по непрерывным процессам имели большое практическое значение. Они нашли применение при расчётном обосновании ряда крупнотоннажных производств – таких как каталитический крекинг нефтяного сырья в движущемся слое гранулированного катализатора и в кипящем слое порошкообразного катализатора, дегидрирование углеводородов с целью получения бутенов и дивинила, непрерывная полимеризация углеводородов, получение изопропилбензола, фенола и ацетона и др. В последующие годы на основе теоретических представлений о непрерывных процессах, развитых А.Н. Плановским, разрабатывались методы кинетического расчёта не только реакторов, но и различных мас-сообменных аппаратов – колонных абсорбционных, ректификационных и экстракционных аппаратов, сушилок разного типа, адсорберов и др. Можно назвать много работ, в которых идеи А.Н. Плановского по непрерывным процессам получили дальнейшее развитие и применение к различным частным задачам.

В последующие годы своей научной деятельности А.Н. Плановский уделял много внимания анализу массообменных процессов в системах без твёрдой фазы (ректификация, абсорбция, жидкостная экстракция). Им с сотрудниками тщательно проанализировано влияние основных факторов на показатели этих процессов и разработаны методы обобщения опытных данных. Итогом этих многолетних систематических исследований явилась формулировка главных положений методики расчёта колонных массообменных аппаратов.

Глубокий анализ физических

явлений в массообменных процессах, протекающих в колонных аппаратах, послужил основой для разработки высокопроизводительных аппаратов и методов их расчёта. Им (совместно с В.В. Кафаровым и Л.И. Бляманом) сделано открытие, устанавливающее скачкообразное увеличение тепло-массообмена между газовой и жидкой фазами в пористых средах при предельных скоростях потоков, соответствующих переходу газовой фазы в дисперсную, а жидкой – в сплошную (в режиме инверсии фаз) с сохранением их противоточного движения, зарегистрированное в Государственном реестре от-крытий СССР 21 марта 1974г. с приоритетом от 6 июля 1949г. [3].

В 1960-е – 1970-е годы А.Н. Плановский, наряду с исследованиями массообменных процессов в системах без твёрдой фазы, много внимания уделял массообменным процессам, протекающим в системах с твёрдой фазой: сушке, адсорбции, экстрагированию, а также таким процессам, как перемешивание в жидких средах, мембранное разделение смесей, псевдооживление. В совокупности с результатами выполненных им с сотрудниками исследований систем «пар-жидкость», «газ-жидкость», «жидкость-жидкость» результаты этих работ создали основу для общей теории расчёта и конструирования массообменных аппаратов.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что весь творческий научно-исследовательский путь А.Н. Плановского можно разделить на три периода:

- с 1934 г. до примерно 1953 г. – научные исследования и проектно-конструкторские разработки в области непрерывных высокопроизводительных химических процессов;

- с 1953 г. до примерно середины 60-х годов – преимуще-

ственно теоретические и экспериментальные исследования массообменных процессов в системах без твёрдой фазы (абсорбция, ректификация, жидкостная экстракция) с целью разработки интенсивных процессов разделения систем и конструирования высокопроизводительных аппаратов для их проведения;

- с середины 60-х годов – расширение спектра научных исследований, распространение их на область массообменных процессов в системах с твёрдой фазой, мембранных методов разделения, перемешивания в жидких средах.

Именно в этот третий период своей научной деятельности А.Н. Плановским совместно со своими учениками выполнены основные работы в области сушки. Их результатами явились: разработка методов кинетического расчёта сушилок как для процессов, протекающих в первом периоде сушки (внешнедиффузионная область), так и для второго её периода (процессы сушки, характеризующиеся существенным внутридиффузионным сопротивлением высушиваемых материалов), создание высокопроизводительных сушильных установок и повышение их энергоэффективности, получение высококачественных материалов. По результатам этих исследований А.Н. Плановским совместно с В.И. Муштаевым и М.В. Ульяновым написана монография [4] и под его редакцией выпущена также монография [5].

. С 1953г. по 1978г. А.Н. Плановский возглавлял кафедру «процессы и аппараты химической технологии» МИХМ, много делая для её развития и укрепления материальной базы, и, будучи профессором, на высоком профессиональном уровне читал курс «процессы и аппараты химической технологии». Трудно переоценить заслуги

А.Н. Плановского в деле подготовки молодых инженеров для химической промышленности и химического машиностроения. В формировании их научных взглядов и овладении глубокими знаниями, которые они получали на кафедре процессов и аппаратов МИХМ, исключительно большую роль играла та творческая обстановка, которая царила на кафедре. Студенты широко привлекались к проводимым на ней научным исследованиям и разработкам, готовили свои научные публикации, выступали с докладами на научно-технических конференциях. Многие из них поступали затем в аспирантуру, выбирая для себя научную сферу деятельности. Те же из выпускников, которые шли на производство, были заряжены творческим духом кафедры и были готовы к творческой работе, поиску и внедрению нового. Огромный вклад А.Н. Плановского в подготовку инженерных кадров состоит ещё и в том, что по его учебникам и учебным пособиям, написанным по процессам и аппаратам химической технологии, формировались глубокие инженерные знания студентов многих высших учебных заведений страны. Учебник А.Н. Плановского и П.И. Николаева «Процессы и аппараты химической и нефтехимической технологии», имевший три издания, является собой классический образец учебной литературы для высших учебных заведений. Он послужил примером для написания других учебников по процессам и аппаратам химической технологии, а также по процессам и аппаратам пищевых производств. Большим авторитетом у специалистов и студентов и поныне пользуется учебник по процессам и аппаратам химической технологии, написанный А.Н. Плановским совместно с В.М. Раммом и С.З. Каганом для средних специальных учебных заведений [6].

Под руководством А.Н. Плановского кафедра процессов и аппаратов МИХМ стала ведущей кафедрой института по подготовке специалистов высшей квалификации – кандидатов и докторов наук, настоящей кузницей этих кадров, а научно-исследовательская и учебная лаборатории кафедры стали одними из лучших в стране среди лабораторий данного профиля. В научно-исследовательской лаборатории кафедры процессов и аппаратов МИХМ под руководством А.Н. Плановского выполнялись многочисленные исследования, тематика которых охватывала широкий круг процессов – массообменных, процессов перемешивания в различных средах, псевдооживления. В этих исследованиях изучалась кинетика процессов, разрабатывались высокоинтенсивные, эффективные методы их проведения, решались задачи разработки энергосберегающих технологий. А.Н. Плановский создал мощную научную школу из числа аспирантов, кандидатов и докторов технических наук, которая являлась одной из самых крупных в стране в области процессов и аппаратов химической технологии и которая является таковой и поныне. Многие его ученики возглавляют различные кафедры, научные лаборатории и другие научные коллективы, работают на производстве.

Международное признание А.Н. Плановского как учёного.

Работы А.Н. Плановского в области процессов и аппаратов хорошо известны не только в нашей стране, но и за рубежом, многие зарубежные учёные широко применяют основные положения его работ в своих исследованиях. А.Н. Плановский – учёный мирового уровня. Одним из свидетельств этого является посещение профессором Томасом Шервудом, который

является одним из столпов мировой науки о массопередаче, одним из основных создателей современной теории сушки (наряду с А.В. Лыковым и О. Кришером) кафедры процессов и аппаратов МИХМ). Учебник А.Н. Плановского и П.И. Николаева «Процессы и аппараты химической и нефтехимической технологии», который по общему признанию является одним из лучших в этой области, переведён на английский язык [7]. Под редакцией А.Н. Плановского вышло первое издание на русском языке широко известной в мировой литературе монографии Р. Рида и Т. Шервуда «Свойства газов и жидкостей» (1964г.), содержащей богатую и весьма полезную информацию об этих средах. Систематическим публикациям научных работ А.Н. Плановского за рубежом препятствовали два обстоятельства:

1) работы первого его творческого периода были посвящены оборонной тематике и не могли там печататься,

2) по существовавшему тогда положению требовалось специальное разрешение соответствующего министерства по подчинённости организации, в которой работал автор, на эти издания, что ограничивало возможности автора в этом отношении. Тем не менее, некоторые статьи А.Н. Плановского печатались за границей. Примером могут служить его работы [8,9].

А.Н. Плановский был не только выдающимся учёным, но и государственным человеком, работавшим на ответственных постах. В феврале 1947г. его назначают начальником Технического управления Министерства химической промышленности. В этой должности он проработал до перевода в 1948 г. в Государственный комитет Совета министров «Гостехника СССР», который был создан

В.А. Малышевым – выдающимся организатором производства, который был одновременно его председателем и заместителем председателя Совета Министров СССР. Целью «Гостехники СССР» было активное внедрение передовой техники в народное хозяйство. В 1951г. после упразднения Гостехники СССР Сталиным А.Н. Плановский был переведён в Министерство нефтяной промышленности на должность первого заместителя председателя Научно-технического совета по переработке нефти и производству искусственного жидкого топлива. В 1955 г. вновь создаётся под руководством В.А. Малышева Государственный Комитет Совета Министров СССР по новой технике и А.Н. Плановского переводят в него на должность члена Комитета и начальника отдела науки и техники химической и нефтяной отраслей промышленности. В 1957 г. после кончины В.А. Малышева происходит создание вместо Гостехники СССР Государственного научно-технического комитета Совета Министров СССР (ГНТК СССР), в который А.Н. Плановского переводят на должность члена Комитета и главного специалиста по нефтехимии. На всех этих постах А.Н. Плановский отдавал все свои знания, талант и умение на организацию новых производств, активному внедрению в народное хозяйство передовой техники и технологии.

Научно-организационная деятельность А.Н. Плановского. Наряду с заведованием кафедрой и работой на руководящих должностях в Центральных аппаратах промышленности А.Н. Плановский активно занимался научно-организационной работой. С 1949г. на протяжении более 15 лет он был председателем, а затем заместителем председателя секции химии и химической технологии Высшей

аттестационной комиссии по присуждению учёных степеней и присвоению учёных званий Совета Министров СССР, а с 1956 года по 1979 год являлся заместителем председателя секции химии и химической технологии Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР. Многие годы он входил также в состав Совета госэкспертизы Госстроя СССР.

А.Н. Плановский был заместителем председателя научного совета «Теоретические основы химической технологии» при Отделении физико-химии и технологии неорганических веществ АН СССР, председателем секции «Процессы и аппараты» Московского отделения ВХО им. Д.И. Менделеева, руководителем семинара по тепло- и массообменным процессам химической технологии научного совета по проблеме «Тепло- и массообмен» при Государственном комитете по науке и технике (ГКНТ) при Совете Министров СССР, членом редакционной коллегии академического журнала «Теоретические основы химической технологии».

Заключение

Славный путь прошёл А.Н. Плановский как учёный, педагог, производственник, организатор производства, общественный деятель. Его жизненный путь может служить примером для молодых поколений учёных. Результаты его работ широко используются инженерами, научными специалистами, студентами при выполнении тех или иных работ и расчётов. Имя А.Н. Плановского как выдающегося учёного навсегда останется в истории отечественной и мировой науки.

Литература

1. Александр Николаевич Плановский. К 95-летию со дня его рождения и 75-летию кафедры ПАХТ. Составитель В.А. Орлов. 2006. – 106 с.
2. Касаткин А.Г., Плановский А.Н.. Процессы и аппараты промышленности органического синтеза. М.: ГОНТИ ИКТП. 1939. – 491 с.
3. Плановский А.Н., Кафаров В.В., Бляхман Л.И. Диплом на открытие. Государственный реестр открытий СССР, № 141 от 21 марта 1974 г. с приоритетом 6 июля 1949 г.
4. Плановский А.Н., Муштаев В.И., Ульянов В.М. Сушка дисперсных материалов в химической промышленности. М.: Химия. 1979. – 288 с.
5. Рудобашта С.П. Массоперенос в системах с твёрдой фазой. Под редакцией Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, профессора А.Н. Плановского. М.: Химия. 1980. – 248 с.
6. Плановский А.Н., Рамм В.М., Каган С.З. Процессы и аппараты химической технологии. М.: Госхимиздат. 1955. - 580 с.
7. Planovsky A., Nikolaev P. Unit Operations and Equipment of Chemical Engineering. Mir Publishers. Moscow. 1990. - 560 P.
8. Kast W., Rudobashta S.P., Planovsky A.N. Trocknung von Polyamid. Chemie Ingenieur Technik. 1976. 48 Jahrgang. Heft 7. S.657.
9. Planovsky A.N., Rudobashta S.P., Kast W. Kinetik der Erwärmung feuchter Stoffe bei konvektiver Trocknung. Chemie Ingenieur Technik. 1976. 48 Jahrgang. Heft 9. S. 803.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КЕЛЬЦЕВ - ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Ю.И.Шумяцкий, профессор РХТУ

Доктор наук Николай Владимирович Кельцев по своей натуре был легким человеком. Любитель театра, особенно музыкального, поклонник актрис, человек, склонный к экстравагантным поступкам, к шуткам, экспромтам. Он увлекался спортом: из его толстого профессорского портфеля часто торчала рукоятка теннисной ракетки. Он состоял в секции тенниса московского Дома Ученых. В армии был заядлым футболистом и выступал за сборную своего подразделения.

В армию студент МХТИ Кельцев ушел в августе 1941 года. Он попал в плен и почти сразу бежал из плена, воспользовавшись, как он сам рассказывал, благосклонностью местной жительницы к молоденькому солдатику. Он прошел Отечественную войну и войну с Японией. Был тяжело ранен, контужен, награжден двумя боевыми орденами и рядом медалей. После двух Побед вернулся в МХТИ. Окончил вузовский курс и аспирантуру, которую он совмещал с работой во ВНИИГАЗе.

Его аспирантская работа была посвящена выделению газового бензина из нефтяного (или, как тогда говорили, попутного) газа. В основу был положен метод непрерывной адсорбции. Он появился в США в 1946 г. и заключался в контактировании потока восходящего нефтяного газа с нисходящим потоком активного угля. Метод

казался чрезвычайно привлекательным. Адсорбция, которая традиционно осуществлялась и осуществляется в периодических адсорберах, благодаря противотоку, будто бы превращалась в непрерывный процесс. Увы, эти ожидания, если говорить о промышленной практике, не оправдались и даже сегодня остаются несбыточными: слишком сложно, слишком дорого.

Кельцев был хорошим аспирантом. Он создал слож-

ную и надежную экспериментальную установку, организовал и провел ее испытания. Он успешно защитил диссертацию. В дальнейшем он сохранил адсорбцию как направление, углеводородные газы, как объект исследований, но к непрерывным адсорбционным процессам больше никогда не возвращался.

В 1958 г. усилиями Н. М. Жаворонкова и Н. С. Торочешникова в МХТИ им. Д.И. Менделеева была создана проблемная лаборатория разделения углеводородных

газов. Научным лидером ее стал старший научный сотрудник Н.В. Кельцев. Предполагалось, что основной тематикой лаборатории будет очистка мономеров для производства полимеров. Но последующие события изменили первоначальные намерения учредителей. В 1956 г. в журнале Американского химического общества появилась публикация о том, что ученым фирмы Линде (США) удалось синтезировать новые адсорбенты – цеолиты. Они обладали рядом уникальных свойств, среди которых было свойство разделять вещества по размерам молекул. Советским ученым о цеолитах первым сообщил Н. В. Кельцев, а в 1959 г. при Академии наук СССР под руководством академика М. М. Дубинина была создана Комиссия по цеолитам. В нее вошло было большое количество научных организаций и промышленных предприятий. Н. В. Кельцев был активным членом Комиссии, а затем возникшего на ее основе Научного совета по адсорбентам. Проблемная лаборатория стала лабораторией адсорбции.

В проблемной лаборатории не было специалистов по синтезу адсорбентов, она не была непосредственно связана с промышленностью. Что же могло составить предмет ее работ? То, что лежит между синтезом и производством: исследование свойств сначала цеолитов, а затем многих других адсорбентов.

Некоторое представление о количестве изученных объектов (адсорбентов и систем на их основе) дает количество подготовленных Н. В. Кельцевым (часто с Н. С. Торочешниковым) кандидатов наук. Их было больше 25 человек. Результаты этих работ через рекомендации, через консультации входили в промышленную практику.

В 1967 г. Н.В. Кельцев защитил докторскую диссертацию, посвященную адсорбции на синтетических цеолитах, и приступил к главному своему труду: к книге «Основы адсорбционной техники». Первое издание ее было опубликовано в 1976 г.

Об адсорбции написано немало книг. Но большинство из них посвящено различным аспектам теории адсорбции и значительно реже промышленным процессам на основе адсорбентов. Между тем, в предшествующее десятилетие адсорбция претерпела период бурного развития: появились новые адсорбенты, процессы адсорбции были внедрены в самые разнообразные области производственной деятельности. Возник широкий круг остро заинтересованных читателей. Тираж книги Н. В. Кельцева разошелся практически мгновенно.

В монографии Н.В. Кельцева, хотя и с разной подробностью, рассмотрены три главных вопроса адсорбции: теория адсорбционных явлений и процессов, методы получения основных промышленных адсорбентов и их свойства, технология и аппаратное оформление промышленных адсорбционных

процессов. С наибольшей полнотой изложен третий вопрос, ибо Н.В. Кельцев, сам будучи технологом, писал преимущественно для своих коллег.

Н. В. Кельцеву принадлежит заслуга организации в 1979 г. первой в МХТИ кафедры экологического профиля. Администрация института не «горела» желанием ее создавать. Н. В. Кельцев мобилизовал свои связи, свой шарм и добился учреждения первой в институте экологической кафедры. Сегодня мы имеем экологический факультет, в состав которого входит задуманная им кафедра.

Н. В. Кельцев скоропостижно скончался в ноябре 1981 г., не дожив одной недели до своего шестидесятилетия.

*Ю.И.Шумяцкий,
аспирант и коллега*

Нас вдохновлял его пример

Доктор технических наук Кельцев Н.В. (1921-1981) – один из крупнейших специалистов в области химии поверхностных явлений и переработки промышленных газов. Идеальный вдохновитель и один из активнейших инициаторов создания в стенах МХТИ им. Д.И. Менделеева специальности Технология рекуперации вторичных материалов промышленности, соавтор первой учебно-методической документации для этой специальности. Впервые в стране создал и преподавал курс «Очистка отходя-

щих газов промышленности». Лично руководил дипломными работами первых выпускников специальности Рекуперация на кафедре ТНВ.

В 1976-1981 гг. работал профессором кафедры ТРВМП, где организовал научную группу для решения насущных задач защиты биосферы. В составе этой группы работали его ученики – ассистент Клушин В.Н. и аспирант Мухин В.М.

Многие разработки, выполненные под руководством Кельцева Н.В. в области очистки и разделения газов, нашли промышленную реализацию с обеспечением больших экономических эффектов.

Скоропостижная смерть прервала находившуюся на творческом подъеме плодотворную преподавательскую и научную деятельность профессора Кельцева Н.В. – члена Научного совета по адсорбции АН СССР, автора свыше 20 изобретений и более 200 научных работ, включая ряд монографий, среди которых особенную известность получили «Основы адсорбционной техники» 1976 и 1984 годов издания (подготовку к печати посмертного издания осуществил ученик Кельцева Н.В., ныне профессор РХТУ, доктор технических наук Шумяцкий Ю.И.), и первое в стране учебное пособие для вузов «Техника защиты окружающей среды».

Ученики и коллеги

*«Менделеевец» №16/2006
к 30-летию кафедры ТЗБ*

ЕГО НАЗЫВАЛИ ЖИВОЙ ЛЕГЕНДОЙ МЕНДЕЛЕЕВКИ

Козлова Е.А., к.т.н., член Союза писателей России

Если бы не Василий Петрович Меньшутин, то я, наверное, не смогла бы защититься, по крайней мере, в том 1977 году, когда у меня украли партийный билет. Это случилось в августе, а на ноябрь уже была назначена защита диссертации в Менделеевском институте на кафедре переработки пластмасс. Я должна была пройти всевозможные разбирательства, включая и комиссии старых большевиков при райкоме партии, и сам райком. Все это тянулось очень долго, и закончилось тем самым строгим выговором только в декабре месяце. Я, наверное, и не выдержала бы, если бы не Василий Петрович Меньшутин, который был назначен оппонентом по моей диссертации.

-Что же мне делать, Василий Петрович? Отзывать диссертацию с защиты?

- Ни в коем случае самой не предпринимать никаких действий, а с вашим институтом я сам разберусь, - заверил меня он.

Положение мое было очень плачевное, если не сказать совсем плохое. Но я готовила плакаты для защиты, а их было не менее двадцати, готовила доклад, рассылала на отзывы автореферат и параллельно ходила на многочисленные собрания, где разбирали мой моральный облик. Это же надо, не уследила за своим партийным билетом! Позор! Общее настроение в партийном руководстве института было отозвать диссертацию: «Нам не нужны такие кандидаты наук, которые теряют партийные билеты» И это притом, что в тот момент уже была начальником лаборатории и руководила коллективом, в котором было более тридцати человек.

Василий Петрович заказав пропуск на наше, в то время закрытое предприятие, хорошо,

что он имел необходимый допуск для этого, пришел на прием к нашему руководству и, как он говорил потом, очень жестко поговорил с ними. Собственно заступился за меня. Остальным, кто пытался это сделать, ничего не удавалось. А Василий Петрович с его героическим военным прошлым, когда он видел перед собой цель, то он сбивал ее и не давал сбить себя. Это позволило ему выжить, и здесь он тоже видел цель и смог защитить меня. Отстоял. Я была счастлива, диссертацию не отозвали, и до завершения моего персонального дела в райкоме партии успела её защитить. Единогласно. А когда шло заседания райкома, где рассматривалось персональное дело, то секретарь райкома спросил: «А что, она защитилась?» И, получив утвердительный ответ, был этим очень удивлен, если не сказать недоволен.

Из нашего НИКИМТа три человека защитились с помощью Василия Петровича. Сначала я в 1977 году. Когда пришла на предварительную защиту на кафедру, Василий Петрович сделал мне столько замечаний, что, приведя все в соответствие с его пожеланиями, диссертация стала выглядеть более солидно и совершенно безупречно. Затем в 1988 защитился Ю.Н. Медведев, а потом в 1990 году и Надежда Алексеева, у которых он был еще и научным руководителем. Сколько же времени он на нас затратил? Даже трудно представить! Но без его помощи мы, конечно, не смогли бы пройти Ученый Совет МХТИ им. Д.И. Менделеева. Все-таки, мы были аспирантами заочниками, с производства, и знали, что не так то легко удовлетворить высокие требования Ученого Совета прославленного института.

И вот теперь, когда его не стало, с грустью вспоминаю

нашу почти тридцатилетнюю дружбу, когда мы периодически с ним встречались и не только по делам, а чтобы рассказать о своих планах, о своей жизни, поделиться и показать плоды своего творчества, да и по многим другим не менее важным поводам. В общем, не теряли из вида друг друга.

Так что же за человек был Василий Петрович, которого любили и ценили все окружающие его люди? О нем несколько раз писала газета «Менделеевец», откуда мы узнали о его героическом прошлом, Серпуховская газета «Коммунист», где рассказывалось неоднократно о его судьбе и участии в ВОВ. Земляки гордились им и с удовольствием писали о нем очерки.

Василий Петрович Меньшутин родился 31 марта 1922 года в семье рабочих в поселке «Пролетарский» Серпуховского района, Московской области. Его родители, как и его братья, работали на тонкосуконной фабрике «Пролетарий». В 1939 году окончил среднюю школу и Серпуховской аэроклуб. В те годы общий лозунг страны был: «Молодежь – на самолеты». В аэроклубе он проучился полтора года и осенью 1939 года с отличием сдал экзамены в 1-ую Краснознаменную Качинскую военную авиашколу летчиков-истребителей. Ему еще не было и 18 лет,

но по согласованию с командиром училища, Героем Советского Союза Туржанским в виде исключения его приняли в это знаменитое училище. В то время там учился и сын И.В. Сталина Василий, с которым они вместе проходили учения на летном поле и в стенах училища. Обучение проходили по ускоренной программе, осваивая полеты на истребителях И-153, И-16, авиаконструктора Поликарпова, которые хорошо показали себя на Халкин-Голе и в Испании.

В конце ноября 1940 года 120 человек, в том числе и Василий Петрович, закончили ускоренный курс училища, и он получил назначение в 161 авиационно-истребительный полк, находящийся в Западном Особом Военном округе в Белоруссии. Ему было в то время только 18 лет, а в 19 лет он уже воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Василий Петрович оставил небольшие воспоминания о том периоде, вот что он записал:

«После начала Великой Отечественной войны, уже 22 и 23 июня 1941 года по трем аэродромам полка были нанесены бомбовые удары, выведен из строя аэродром, повреждены четыре самолета и уничтожены пять. В дальнейшем наш полк был разделен на 3 группы и я попал в группу прикрытия бомбардировщиков, которую перевели в район г.Вилейки. Наша группа прикрывала дивизию дальних бомбардировщиков типа ДВ-3Ф и ТБ-3, совершавших ночные полеты на военные объекты противника. Другая часть полка (20 самолетов) была направлена на оборону г. Минска и придана наземным войскам. В первые месяцы войны авиация Красной Армии несла большие потери. Наши самолеты уступали немецким по скорости, дальности полета, были хуже оснащены и вооружены. Практически не имели брони.

16 июля 1941 года я был сбит

мессершмитом, который повредил двигатель моего самолета. Возгорания не произошло, и удачно приземлился на нашей территории, недалеко от аэродрома. Мою машину быстро отремонтировали. В конце июля, когда в группе прикрытия осталось всего 6 самолетов, было решено перевести ее в г.Смоленск. Недолго пробыв в Смоленске, с товарищами был направлен на переподготовку в Москву. В течение 10 дней освоил более совершенный высотный истребитель МИГ-3 и получил направление направлен в 425 авиационный истребительный полк ПВО г.Москвы. под Подольск. Пришлось научиться летать ночью, так как противник совершал в основном ночные вылеты, а нашей задачей было не допустить его к столице. Позже, в ноябре 1941 год полк был переведен под г.Рязань на аэродром Дягилево.

После битвы под Москвой в январе 1942 года полк был срочно переброшен в Азербайджан под г. Сумгаит для прикрытия входа Советских войск на территорию Ирана. Через 15 дней часть полка была командирована в только что сформированный 508 истребительный авиapolк, где меня назначили командиром звена. Полк принял участие в боевых действиях по обороне Курска и Воронежа. Полк был оснащен новыми машинами ЛАГГ-3, которые имели водяное охлаждение, радиосвязь, крупнокалиберные пулеметы и реактивные снаряды РС-82. Здесь воевал в течение 5 месяцев с апреля по 24 июля 1942 года. За это время мне удалось сбить 4 самолета противника: штурмовик Ю-87, два Юнкерса Ю-88 и фокевульф (рама). За что был представлен к ордену Красной Звезды.

24 июля 1942 года был сбит в неравном бою над узловой станцией Кастория. Произошло это так. Я вел группу прикрытия штурмовиков ИЛ-2 для нанесе-

ния удара по скоплению техники и живой силы противника, сосредоточенного на железнодорожном узле. Над станцией была сильная завеса зенитного огня. Прямым попаданием мой самолет был выведен из строя, повреждены правая рука и нога, из пробитых бензобаков вытек бензин, заглох мотор, однако, машина не потеряла управления и скорости. Действуя левой рукой, мне удалось посадить самолет на нашей территории на «пузо», при этом машина перевернулась, сломался хвост, а я сильно ударился головой и потерял сознание».

А в это время за жестоким боем нашего советского самолета с тремя немецкими стервятниками под оккупированным городом Воронежем наблюдали лесничий Кобзев Алексей Прокофьевич с дочерью Полиной. Бой был долгим и упорным. Одна вражеская машина колом пошла вниз, чертя небо хвостом дыма. Вскоре был подбит и наш самолет. Пока он падал, Кобзевы мучительно ждали, когда же выбросится летчик. Машина упала на стороне реки, где они с дочерью косили траву. Забыв об опасности, Алексей Прокофьевич и Поля подбежали к самолету. В последний момент летчик рывком вылез из кабины и замертво упал. Кровь из ран заливала одежду. Подняв раненого летчика, они на руках отнесли его на кордон, здесь перевязали его раны. Раненый приходил в сознание, и все просил написать матери: «Меньшутин...Василий Петрович. Из Серпухова». Они пытались узнать у него адрес, но двадцатилетний летчик сказать его не смог, сознание вновь покинуло его. Из листа железа они соорудили носилки-волокушу и отправились с ним за 20 км на станцию Графская, где они знали находился наш прифронтовой медсанбат. Это был нелегкий и опасный путь. Кругом враг. Всякое могло случиться. Но Алексей

Прокофьевич в своем Сомовском лесничестве знал все нехоженные тропы и через несколько часов тяжелого и опасного пути они пришли на место и, благословив раненого летчика, сдали его санитарам. Лесничий с дочерью теми же тропами вернулись на свой кордон. Пути их разошлись. Разминулись на дорогах войны трое людей, ставших такими близкими.

Василий Петрович лечился 7 месяцев в госпитале на Урале в г.Златоусте, а в начале 1943 года после выписки из госпиталя ему удалось вернуться в строй. Он продолжил службу в Первом Запасном авиационном полку в г. Арзамасе, где его назначили заместителем командира эскадрильи по летной подготовке. Задачей полка была подготовка молодых летчиков, закончивших училища, доукомплектация полков, оснащенных новыми самолетами ЛА-5, ЛА-7. Перед самым концом войны он освоил самолет ЛА-15. Это был один из первых самолетов с реактивным двигателем, и ему было присвоено звание «Мастер воздушной стрельбы и пилотажа».

В этом полку Василий Петрович прослужил до конца войны, там же встретил День Победы. Был участником первого Парада Победы, проходившего в мае 1945 года на Красной Площади в Москве. В составе сводного авиаполка на самолетах Ла-7 участвовал в воздушном параде. Демобилизовался в мае 1946 года в звании лейтенанта. Василий Петрович награжден орденом Отечественной войны 1 степени, орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», а также еще 12 медалями.

После демобилизации из рядов Советской Армии в 1946 году по состоянию здоровья, а он был признан инвалидом II группы, Василий Петрович поступил на органический факультет МХТИ имени Д.И. Менделеева. В 1951, окончив институт

с красным дипломом, был принят в аспирантуру, в конце 1954 успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук, и его оставили в институте на преподавательскую работу в качестве ассистента, а затем и доцента. Одновременно работал заместителем декана факультета.

В 1958 – 1960 годы находился с семьей в служебной командировке в Китае, где был на преподавательской работе в вузах. Был награжден медалью «Китайско-Советской Дружбы». Затем вновь МХТИ, преподавательская, научная и большая общественная работа. В декабре 1963 Василий Петрович был приглашен заместителем директора по научной работе ЦНИИХМ, где работал до июля 1968 года, после чего вновь возвратился в МХТИ им. Д.И.Менделеева на должность доцента кафедры переработки пластмасс, где работал до самых последних дней.

Многогранную педагогическую деятельность он всегда успешно совмещал с научной работой, посвященной модификации реакто- и термопластов с целью улучшения их эксплуатационных свойств. Им опубликовано более 200 печатных трудов, из которых 32 авторских свидетельства, причем за эффективный способ непрерывного производства легированных реакто- и термопластов выданы патенты США, ФРГ, Франции, Англии, Италии, Японии, Финляндии. Под его научным руководством успешно защитились более 40 аспирантов.

А как же его спасители, неужели они так и не встретились после войны? Через много лет в 1965 г. А.П. Кобзев, уже 79-летний старик, вспоминая того раненого летчика, попросил свою дочь написать в город Серпухов, а вдруг смогут найти его след. Десятки людей в городе Серпухове откликнулись на просьбу

Кобзевых и разыскали Василия Петровича и его семью. Еще был жив его отец Петр Михайлович Меньшутин, братья Владимир Петрович и Константин Петрович работали на той же фабрике «Пролетарий», где всю жизнь трудились их родители. Сколько же было слез радости, когда они все встретились!

Василий Петрович, всегда веселый, улыбающийся, воспринимавший все с юмором и сам большой любитель пошутить, готовый всегда бескорыстно помочь любому нуждающемуся в его помощи человеку. Таким он был всегда до самых своих последних дней. Он даже не болел, ему некогда было. Он всегда спешил в институт, где его ждали и студенты, и аспиранты, и коллеги по работе, и представители заводов и других многочисленных предприятий, нуждающихся в его помощи. И он всегда очень точно оценивал ситуацию и давал необходимый совет. Ему было о чем рассказывать студентам, и его всегда слушали с огромным вниманием. Ведь он был живой легендой Менделеевки, «нашим Ястребом Петровичем», как его в шутку называли.

Вот с таким человеком свела меня жизнь и теперь, когда его уже нет, я буду всегда вспоминать его с теплом и благодарностью. Василий Петрович Меньшутин скоропостижно скончался на 84 году жизни 14 января 2006 года. В Менделееве трудится его дочь Наталья Васильевна Меньшутина - доктор технических наук, профессор, декан факультета информационных технологий. Уже окончила институт и работает в области компьютерных технологий и внучка Наташа. И я им искренне завидую, что жизнь их наградила таким замечательным отцом и дедом, о котором я никогда не забуду.

ХОДИЛИ МЫ ПОХОДАМИ

М.Л. Кербер, Л.А. Шиц

Минуло без малого 60 лет – целая жизнь... Прошлое хранится в памяти не как в архиве – ровными папками событий с ясной хронологической ретроспективой. Что-то яркой картинкой светит из глубины лет, не тускнея, что-то маячит туманными контурами с размытыми деталями, а что-то исчезает без следа. Одним из незабываемых эпизодов студенческой жизни 1950-х годов был зимний лыжный турпоход менделеевцев по Кольскому полуострову. Все начиналось как увлекательное романтическое спортивно-познавательное мероприятие, а обернулось драматической историей, которая едва не привела к трагическому исходу.

Туризм был всеобщим увлечением в Менделеевке в те годы. Мы еще не полностью освободились от материальных и моральных тягот недавнего военного и послевоенного лихолетья. Среди нас были люди, еще не снявшие военную гимнастерку. А туризм, казалось, открывал совершенно новые возможности познать и освоить окружающий мир далеко за пределами ближнего Подмосковья. Хотелось побывать в неизведанных краях, испытать себя в необычных обстоятельствах, получить заряд положительных эмоций.

Летом десятки групп, оформив маршрутную книжку в городском турклубе, расходились по всей стране – на Урал, Кавказ, в Среднюю Азию. А осенью, с началом учебного года, в институте, обычно у БАЗа, появлялись многочисленные стенды с описанием походов, схемами и фотографиями. Проводились конкурсы на лучший поход и лучший отчет, азартно обсуждались планы новых путешествий.

Зимних походов было заметно меньше – не хватало опыта,

практически отсутствовал необходимый инвентарь. Один из первых серьезных лыжных походов по Кольскому полуострову состоялся в зимние каникулы 1952 года. Группа менделеевцев прошла интересный маршрут в гористой местности Лапландского заповедника, расположенного за Полярным кругом. Зима в том году была мягкая, больших морозов не было. Из-за оттепелей ледовый покров на водоемах был настолько слаб, что один из участников похода (Валя Колбасов, будущий профессор института) однажды провалился в воду, приняв ледяную «ванну». Под влиянием успеха и рассказов первопроходцев о путешествии у кого-то возникла идея повторить их опыт зимой 1953 года, несколько усложнив задачу.

На этот раз решили осуществить большой встречный переход двух групп по одному маршруту в том же регионе Кольского полуострова. Для одной из групп исходным пунктом похода был город Апатиты, который славится знаменитым ГОКом (горно-обогачительным комбинатом) и теперь почти смыкается с Кировском. Закончить поход предполагалось в городе металлургов Мончегорске, возникшем в 1930-х годах как детище индустриализации в связи с разработкой местных медно-никелевых месторождений. Другая группа выходила из Мончегорска и шла навстречу первой с тем, чтобы завершить свой путь в Апатитах. Именно этой группе удалось, несмотря на непредвиденные осложнения, пройти маршрут целиком. Общая протяженность маршрута, с учетом рельефа местности, составляла около 300 километров. Его схема приведена на рисунке. Лыжный путь начинал-

ся недалеко от места впадения р. Вите в озеро Имандра. Сюда можно было подъехать из города на попутной машине. Долина реки с цепочкой озер шла на северо-запад между двумя горными массивами: хребтом Мончетундрой и хребтом Чунатундрой, которые сходились к северу, образуя ущелье. Там были истоки р. Вите, а выше по склону в седловине западного хребта был перевал. Предстояло найти и подняться на этот перевал. За ним начинался спуск в долину р. Чуна мимо озера Верхнее Гарьюское.

Выходя к руслу Чуны, маршрут группы огибал гору Эбручорр и круто поворачивал к югу. Теперь хребет Чунатундры тянулся слева по ходу, понижаясь и изгибаясь в сторону озерной системы, то есть к востоку. В том же направлении уходило русло реки и, соответственно, менялось направление маршрута. Заключительный этап похода – пересечение оз. Имандры и выход к железнодорожной станции Апатиты.

Так вот, в начале 1953 года две группы энтузиастов – студентов второго и третьего курсов с разных факультетов – вознамерились осуществить изложенный выше проект. Группа во главе с Михаилом Ходаковским должна была пройти от станции Апатиты на запад по озеру Имандра, затем на север вверх по реке Чуне и, перевалив хребет Чунатундры, спуститься в долину р. Вите и закончить маршрут в Мончегорске. В эту команду, кроме Ходаковского, входили Довжик, М. Кербер, Максимова, Рашкович, А. Родионова и еще один парень (фамилия забылась).

Группа, которую вел Алик Либкинд, шла встречным маршрутом от Мончегорска. В ее составе были Г. Александров, Алик

Гродштейн, Э. Вакк, Н. Кокорев, И. Никонова, В. Пищулин, Л. Шиц. В обеих группах подобрались довольно сильные ребята – все хорошо ходили на лыжах, многие участвовали в дальних летних походах, в том числе горных.

С питанием в 1953 г. было вполне сносно, особых трудностей с продовольствием при подготовке к походу не возникло. А вот со снаряжением и одеждой дело обстояло значительно хуже. Каждый экипировался, исходя из своих скромных возможностей. Вот основной набор личного имущества путешественника: фланелевый лыжный костюм (в таких костюмах многие студенты ходили повседневно), поношенный свитер, ковбойка и байковое белье, ватник (основной вид зимней одежды половины населения страны), ушанка, ватный спальный мешок, валенки.

У большинства участников похода были простые деревянные «беговые» лыжи с жесткими креплениями «ротофелло», предназначенные для скольжения по лыжне и мало приспособленные для передвижения по пересеченной местности с рюкзаком, вес которого превышал 20 кг. Лыжная обувь под эти крепления представляла собой тонкие кожаные ботинки обычно на резиновой подошве, которые на умеренном морозе превращались в жесткие колодки. Кое у кого были мягкие ременные крепления, с помощью которых можно было крепить лыжи к валенкам. Те немногие, кому особо «повезло», стали обладателями тяжелых горных кантованных лыж и, соответственно, массивных негнущихся ботинок с двойной шнуровкой (сейчас такие можно встретить разве что в музее спортивного инвентаря).

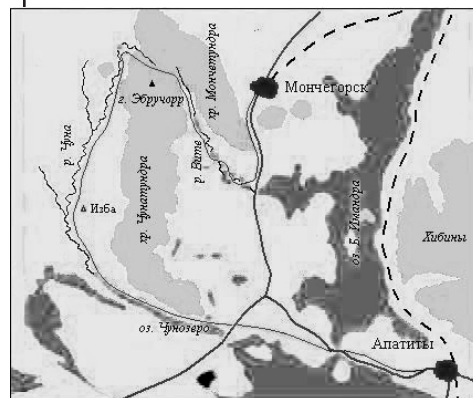
Что касается общего походного снаряжения, оно было удручающе скудно и, с современной

точки зрения, лишь в малой степени отвечало своему назначению. В группах были двух- и четырехместные летние палатки («гималайки», «полудатки», «серебрянки»), которые в зимних полевых условиях при сильном понижении температуры не создавали условий для нормального ночного отдыха участников похода. Ватные мешки быстро сырели и плохо защищали от холода, а средствами обогрева палаток (примусами, свечами) никто не озаботился. В одной из групп, той, что начинала свой путь из Апатитов, не оказалось таких важных в зимнем походе вещей, как обычный хозяйственный топор (взяли только маленькие туристские топоры) и двуручная пила (вместо нее были только две плотничьи ножовки).

В начале февраля световой день на Кольском полуострове очень короток – всего 6-7 часов. Поэтому утром приходилось вставать и сворачивать лагерь, а вечером ужинать и устраиваться на ночлег затемно. Были бы очень полезны современные яркие и экономичные электрофонари. Но слабые батарейные фонарики того времени быстро «садились», а при охлаждении вообще переставали функционировать. Уходя на маршрут, группы теряли всякую связь с внешним миром, даже одно-стороннюю. Рации были неподъемны, да и в принципе недоступны для туристов, о возможности появления в будущем мобильных телефонов догадывались только профессиональные фантасты, а портативные коротковолновые радиоприемники наша власть не торопилась делать доступными для населения. Скептический тон суждений об обстоятельствах, сопутствовавших нашей «одиссеи», обусловлен сегодняшней оценкой давних событий. А тогда мы были увлечены

подготовкой реализации наших планов, наивно полагая, что все делаем правильно и затея наша обречена на полный и безусловный успех. Один из авторов этих воспоминаний (М. Кербер) участвовал в событиях на стороне «апатитской» группы, другой автор (Л. Шиц) – на стороне «Мончегорской» группы. Далее опишем события, как каждый из нас их воспринял и запомнил.

М. Кербер. Радостные после успешной сдачи зимней сессии участники обеих группы погрузились в поезд Москва-Мурманск и двинулись в путь самым экономичным способом – в общих вагонах. На станции Апатиты мы разделились: команда Либкинда осталась в поезде, а команда Ходаковского пересела на электричку и поехала в г. Кировск. Наша поездка в Кировск оказалась очень интересной. Ночевали мы в какой-то школе или техникуме на своих спальниках, без проблем. Побывали мы на заводе горно-обогатительного комби-

ната, где нас провели по всей технологической цепочке получения апатитового концентрата из апатито-нефелиновой руды.

Благодаря случайному знакомству в столовой нам удалось побывать в «зоне» на горе Расвумчорр, где добывалась руда. Для подъема туда нам выдали «котятка» – одеваемые на обувь небольшие стальные кошки, без которых подъем на гору был

бы затруднен. Многие из нас впервые соприкоснулись с заключенными, основной производительной силой на рудниках и открытых карьерных разработках в СССР тридцатых-пятидесятых годов прошлого века.

Уже в те времена в Кировске начинал развиваться горнолыжный спорт. Нам покататься не довелось, но некоторые потери мы понесли – местная ребятня утатила у нас несколько крайне дефицитных тросов от горнолыжных креплений. Спустя два или три дня мы возвратились на станцию Аппатиты, и поход начался.

Первые дни мы шли по озеру и останавливались на ночлег в рыбацких станках. Лов ведется и зимой, поэтому в рыбацких домиках имеется запас дров, соли, спичек. В некоторых из них печи еще не успевали остыть после ухода рыбаков. На третий день мы пришли в поселок, где был сельсовет, школа, больница и радиостанция. Народ живо интересовался москвичами; мы много рассказывали о столице, пели свои песни. Утром двинулись дальше, и следующая встреча с людьми (не считая ребят, идущих навстречу) могла состояться только дней через 6-7. До сих пор мы шли вдоль санных следов или по лыжне, которую бьют рыбаки, когда идут к местам лова рыбы. Но за поселком наш путь шел уже по целине. Все эти дни мороз был умеренный, как мне сейчас представляется, около 15-20 С.

После поселка нам предстояло пройти километров 20-25 до небольшой охотничьей избушки. Наш маршрут проходил за Полярным кругом, где день в феврале короткий, темнеет рано, а ночи темные, с яркими звездами. К вечеру заметно подморозило. На ночлег разместились в тесной избушке: часть ребят легла спать в доме,

часть – на чердаке, под крышей. Ночью время от времени раздавался громкий, как выстрелы, треск – это от мороза лопались деревья. Как выяснилось потом, ночью температура опустилась ниже -45 С, но мы, естественно, этого не знали.

Утром, наскоро позавтракав, мы двинулись в путь, не подозревая, что нас ждет. Сильный мороз давал себя знать. На вдохе нос смерзается, глаза непрерывно слезятся и тоже смерзаются. Начинаешь понимать, что необходимо непрерывно и энергично двигаться, шевелить руками, ногами – иначе замерзнешь. Больше всего это напоминало рассказы Джека Лондона о временах золотой лихорадки на Аляске.

Шли мы по целине довольно медленно; воздух какой-то неестественно звонкий, все затянуто морозной дымкой, и только громко-громко скрипят лыжи. Часа через два решили сделать привал и развести костер, так как у многих основательно замерзли ноги. Тут-то и выяснилась наша полная неподготовленность к возникшей ситуации. Сухостоя поблизости не было, найти валежник в очень глубоком снегу не удалось. Щепки, которые мы смогли отодрать своими топориками от стволов окружающих деревьев, чадили и не желали разгораться. Завалить подходящее дерево с сухими сучьями, чтобы разжечь нормальный костер, с помощью ручной ножовки и легких топориков было невозможно. Пытались, сняв ботинки, оттереть онемевшие пальцы ног, но они не отогревались, а опухли. Обрато в ледяные задубевшие ботинки ноги не влезали, а валенок на всю группу было всего 3-4 пары.

Очень быстро стало ясно, что в таких условиях заночевать на месте – значит замерзнуть, и

необходимо возвращаться. Выполнение этого решения далось с большим трудом, через боль и дальнейшее обморожение. Один из нас, оказавшийся в относительном порядке, пошел вперед, чтобы растопить печку и согреть избушку к приходу остальных. Уже в полной темноте все добрались до спасительной избушки и повалились без сил. Сон был очень тяжелый, обморожение вызывало болезненное состояние.

К утру мороз не ослаб, но мы все равно не могли бы продолжить поход, не залечив раны пострадавших. Наложённые на обмороженные участки тела компрессы не помогали. Вскоре стало ясно, что нам нужна срочная медицинская помощь. Двое ребят, Довжик и Рашкович, не только не могли надеть лыжную обувь, но даже в валенках передвигались с трудом. Ходаковский решил, что необходимо идти назад в поселок за помощью, и это, безусловно, было единственно правильным решением. Но ошибкой было то, что он пошел в поселок один, чего нельзя было допускать. Правда, он шел по пробитой лыжне, но мороз был такой, что в одиночку он мог бы просто не пройти. Его, конечно, можно понять: он остро чувствовал свою ответственность. Но идти, конечно, надо было двоим. Он выполнил свою миссию (известил спасательную службу о наших бедах), но не избежал обморожения, которое, к счастью, не имело серьезных последствий.

На следующий день (а может быть, через день) после ухода Ходаковского ко всеобщей радости произошло объединение групп – ребята из отряда Либкинда дошли до нашей избушки. Они успешно пережили самые страшные морозы в полевых условиях, но и на их долю выпали свои трудности. Нашего

полку прибыло, поселенцев стало вдвое больше, однако всем нашлось место в заснеженном «приюте».

Л.Шиц. Оставив в Апатитах команду Ходаковского, поездом Москва-Мурманск мы доехали до Оленегорска, где пересели на электричку, которая доставила нас в Мончегорск. Здесь местное начальство разместило нас в довольно комфортабельном общежитии металлургического комбината «Североникель». Этот комбинат - градообразующее предприятие, обеспечивающее работой практически все население Мончегорска. Нам устроили экскурсию по комбинату, основной продукцией которого являются никель, медь и кобальт. Огромные плавильные печи, «реки» расплавленного металла, мощная производственная техника произвели на нас сильное впечатление. Не менее впечатляющим было посещение комбинатской столовой. Высокий просторный светлый зал, за широким окном – зимний пейзаж, а внутри обилие декоративных растений. На столиках чистые скатерти. И на фоне этого великолепия – вкусная обильная еда из 4-х блюд, включающая большую порцию салата из свежих овощей (!) почти даром. В московских пунктах общепита, включая студенческую столовую, мы такого не видали.

Настало время выходить на маршрут. В назначенный срок мы встали на лыжи в низовьях р. Вите около ее пересечения с шоссейной дорогой, идущей из Мончегорска на юг вдоль западного берега оз. Имандра. Теперь трудно восстановить календарный график движения группы, поэтому буду последовательно вспоминать отдельные эпизоды, не привязывая их к определенным датам и интер-

валам времени. Вначале мы ночевали под крышей каких-то жилых или служебных построек, но вскоре, через день-другой, оказались в ненаселенной местности и стали осваивать навыки холодных ночевков. Наш путь лежал на север вверх по р. Вите, но в широкой низинной части ее долины саму реку под толстым снежным покровом не всегда легко было распознать. Кроме того, река соединяла ряд озер (Девичья Ламбина, Островское и другие), извилистая береговая линия которых тоже была скрыта под снегом. Поэтому иногда, пересекая очередное озеро, мы выходили на ложное устье, попадали в тупиковый распадок какого-нибудь холма и возвращались назад. Конечно, мы находили правильный путь, но теряли драгоценное время короткого светового дня и напрасно тратили силы.

На обустройство лагеря уходило не менее трех часов. Причем выбрать подходящее место, установить палатки, заготовить дрова и организовать костер, нужно было засветло. Ужин и подготовка ко сну обычно происходили уже в темноте или при свете костра. В отличие от наших товарищей, шедших нам навстречу, мы имели с собой нормальные топоры и пилу, пригодную к распилу не слишком толстых бревен. Поэтому проблем с «лесоповалом» и заготовкой топлива у нас не возникло, да и недостатка в сухостое на нашем пути не было. Это существенно облегчило и, в конечном счете, обезопасило, наш походный быт в необычно суровых погодных условиях.

Однако у нас были свои заморочки. Так, численность нашей группы не совпадала с числом спальных мешков. Одного мешка не хватало. Это значит, что кому-то предстояло или стать «бездомным» (понятия «бомж»

в то время не существовало), что исключалось в принципе, или вторым номером втиснуться в чужой одноместный спальник. Оптимальным решением было «упаковать» в самый большой мешок двух самых малообъемных членов нашей команды. Ими оказались Инга Никонова и Алик Гродштейн, и это обстоятельство надолго стало источником веселых шуток, острот и «подковырок».

С каждым днем нашего продвижения вперед усложнялся рельеф местности, и усиливались морозы. У нас не было термометра, но непрерывное понижение температуры мы ощущали собственной кожей, особенно по ночам. Чтобы иметь возможность утром надеть лыжные ботинки, мы клали их с собой в спальные мешки. Находясь в течение ряда дней в полевых условиях, не имея возможности «расслабляться» в отапливаемых помещениях (никаких избышек на пути не было), мы постепенно приобретали навыки все более «комфортного» существования в этих условиях. Объектом особенного нашего внимания были ноги – каждый старался при движении не допускать образования потертостей, «натоптышей», онемения стоп.

Случались курьезы. В один из дней в отроге западного хребта, вдоль которого пролегал наш путь, обнаружился распадок, за которым просматривалась седловина. Решив, что именно там находится наш перевал, начали подъем. С большим трудом уже в сумерках преодолели подъем и поняли, что единственный спуск с другой стороны «перевала» ведет к озеру Сейдьярв, лежащему выше по долине покинутой нами р. Вите, которая делает тут крутой поворот. Ничего не поделаешь – «и на старуху бывает проруха...» Спустились, продравшись сквозь заросли, долго не могли найти место для

ночлега, кое-как устроились на берегу озера, а на следующий день никуда не пошли. Дневка оказалась кстати: она позволила нам восстановить силы и поднять настроение. Кроме того, появилась возможность налегке разведать дальнейший путь.

Без особых приключений мы достигли водораздела и по довольно пологому спуску приблизились к оз. Верхнее Гарьюское, которое можно считать истоком р. Чуны. После медленного утомительного подъема к перевалу по глубокому рыхлому снегу спуск, хотя и сопровождавшийся многочисленными падениями, был сплошным наслаждением. Кроме того, он знаменовал собой промежуточный итог похода - половина маршрута была пройдена. Нам казалось, что все самое сложное осталось позади. Ну, что могло омрачить завершающую часть нашего путешествия при движении вниз по течению Чуны, тем более что после ожидаемой встречи с друзьями мы будем идти по проложенной ими лыжне!

Но все сложилось не так. Накануне предполагаемой встречи мы, почувствовав усиление мороза, решили существенно увеличить длину дневного перехода, чтобы избежать последней холодной ночевки. Мы знали, что дальше будет охотничья (или егерская) изба, где можно отогреться и хорошо отдохнуть день-два. Решение было рискованным. Его реализация, как оказалось, потребовала мобилизации всех наших физических возможностей. Уже во второй половине напряженного ходового дня стала сказываться усталость, у многих стали застывать ноги. Особенно тяжело пришлось Пищулину, его ногам на середине пути едва удалось вернуть чувствительность, и дальше он мог идти только в валенках. Но один валенок в конце концов порвался, что привело к

серьезному обморожению стопы. Стремясь успеть до темноты закончить переход, мы почти не останавливались на отдых и еду, а приготовить заранее индивидуальные «пайки» для подкрепления на ходу не догадались (еще один промах).

И вот, когда истекал последний час светового дня, перед нами открылась необъяснимая картина. На небольшой поляне мы увидели притоптанный снег, множество следов, один или два брошенных рюкзака, еще какие-то предметы и никого из людей. Единственная мысль: стряслось что-то неладное... Наша группа к этому времени довольно сильно растянулась. Наиболее выносливые ребята (Кокорев, Либкинд) на предельной скорости пошли вперед, остальные замедлили ход, чтобы собраться всем вместе.

Уже наступили сумерки, когда ребята нашего авангарда дошли до избушки, где пребывала группа Ходаковского. Когда ситуация прояснилась, они налегке вернулись к нам, чтобы помочь пройти оставшиеся 2-3 километра. Помню, что прошел эти километры на «автопилоте». У порога избушки, не глядя, сбросил рюкзак, отстегнул лыжи и, плохо координируя движения, ввалился в душный полумрак «горницы», заполненной людьми и вещами, казалось, до предела. Впоследствии выяснилось, что вместимость этой избушки (подобно теремку из известной сказки) предела не имела. Меня усадили в какой-то угол, помогли снять с онемевших ног ботинки и обнаружили, что большие пальцы совершенно белые и бесчувственные. К счастью, после интенсивного массажа в ледяной воде кровообращение удалось восстановить, а через пару дней исчезла и отечность. Так что ко времени выхода на заключительный этап маршрута я почти безболезненно сменил

валенки на злосчастные лыжные ботинки.

На следующий день после соединения двух групп рано утром нас разбудил громкий стук в дверь. Это были спасатели, получившие по телефону из поселка сообщение Ходаковского о бедственном положении обмороженных туристов. На соседнее небольшое озеро в одном-двух километрах от избушки сел санитарный По-2, чтобы забрать и доставить в Кировскую больницу наших страдальцев. Этот легкий фанерный биплан, скромный труженик Отечественной Войны, мог использовать в качестве аэродрома такие небольшие участки плоской поверхности земли или замерзшего водоема, с которых не смог бы подняться ни один из известных в то время самолетов (гражданских вертолетов тогда не было).

Озеро, на котором «приземлился» самолет, лежало за небольшим холмом или грядой. С немалым трудом по грудь в сыпучем снегу мы перетаскивали ребят к самолету. Подъемные возможности самолета были ограничены, за один рейс он мог перевозить только троих: пилота, больного и сопровождающего. Поэтому, чтобы отправить на «Большую землю» Довжика, Рашковича и Пищулина, пришлось совершить три рейса. В итоге мы легко отделались: суммарные потери – ампутация одной фаланги пальца на ноге и несколько сошедших ногтей; болячки, не сошедшие с отмороженных щек и носов в течение последующих двух-трех недель – не в счет. Настоящая трагедия разыгралась в тот год с одной, кажется украинской, группой туристов, которые все замерзли приблизительно в том же районе, из которого мы благополучно выбрались.

После эвакуации наших товарищей объединенно останавливаться группа провела еще два

дня в спасительной избушке, катаясь и ломая запасные лыжи на ближайших склонах. Мороз не унимался, но уже начинал давить надвигающийся контрольный срок окончания похода. На третий день мы двинулись к поселку. В дополнение к морозу поднялся сильный встречный ветер, который стал нестерпимым с выходом группы на длинное и широкое оз. Чуозеро. Надо было пройти километров 20-25 по открытому пространству. На ветру слезились глаза, быстро белели щеки, носы и даже запястья, когда между краями рукавицы и рукава обнажалась полоска незащищенной кожи. Мы все время следили друг за другом. Особенно досталось бедным девчонкам, нежная кожа которых сходила лоскутками, когда приходилось оттирать их побелевшие щеки. Но у ребят возникла своя специфическая проблема - не отморозить под пробивным ветром самое дорогое свое достояние, что вынуждало периодически останавливаться и прибегать к доступным мерам профилактики.

Но и это испытание на исходе дня закончилось. В поселке знали о наших невзгодах и встретили нас очень радушно. Однако наутро нас ждала еще одна напасть. Обнаружилось, что больше половины ребят страдает животом – по-видимому, какие-то консервы оказались недоброкачественными. Так или иначе, на выздоровление, затаившиеся переходы и различные проволочки (силы были явно на исходе) ушел последний резерв времени. Оставался один день до истечения контрольного срока, а остаток пути был немаленький. И тогда было решено послать вперед трех наиболее выносливых ребят, чтобы вовремя отправить из Апатитов в Москву телеграмму, означавшую, что у нас все в порядке. Отсутствие в назначенный срок такой телеграммы могло бы вызвать беспокойство или даже панику как среди наших мо-

сковских «шефов», так и в наших семьях. Ведь какие-то сведения о Кольских событиях вернувшись раньше нас товарищи уже должны были сообщить в Москву, да и тревожные слухи из других источников могли просочиться в столицу. Вот рассказ одного из трех участников последнего «марш-броска», совершенного в последний день столь необычного похода.

М.Кербер. Мы отправились в путь, преисполненные важностью порученной нам миссии. Мы сразу взяли хороший темп, но постепенно последствия перенесенных испытаний сказались на нас. Сил оставалось все меньше. Позднее каждый из нас признался, что пережил момент, когда хотелось просто лечь и наплевать на все. Однако благодаря присутствию других и их помощи каждому удалось преодолеть это кризисное состояние, и мы продолжили идти, но шли довольно медленно.

С колоссальным напряжением сил мы преодолели последние километры пути и буквально ввалились на почту ровно в 8 часов. Но рабочий день кончился, и почта закрывалась, телеграфистка уходила домой и не хотела задерживаться. Мы уговаривали ее, буквально стоя на коленях, принять телеграмму. Только наш измученный вид и само содержание телеграммы заставило ее сменить гнев на милость и принять эту злосчастную телеграмму. А мы перебрались на станцию, нашли там теплый угол и рухнули без задних ног, забыв про голод, холод и все остальные невзгоды - задача была выполнена, и груз ответственности спал с наших плеч...

Утром все, включая наших «помороженных» (кого-то, кажется оставили на несколько дней в больнице), собрались на станции и первым же поездом отбыли в Москву. Встреча была теплой, но без фанфар и барабанного боя. Вскоре «героев» Кольской эпо-

пеи пригласил не беседу ректор, Н.М. Жаворонков. Он интересовался подробностями нашего похода, внимательно выслушивал наши высказывания, старался разобраться в причинах наших неудач. Как умудренный жизнью человек, он ни в чем не упрекал нас, похвалил за сплоченность. Напоследок в шутку он сказал, что если мы теперь захотим снова пройти в многокилометровый поход, то он пустит нас только по Садовому кольцу – без ограничения числа кругов – на любое расстояние, хоть на 300 километров (это была расчетная длина нашего маршрута).

Зимние походы, конечно, продолжались и в последующие годы, но подобных приключений больше не было. Дальнейшая судьба участников описанных событий сложилась по-разному. Все успешно окончили институт, работали, продолжали ходить в походы – пешие, водные, лыжные. Сегодня «иных уж нет, а те далече...» Валя Пищулин погиб в горах, Ходаковский уехал в Израиль; многие остались друзьями, связь с некоторыми утрачена.

Авторы этих строк навсегда сохранили «охоту к перемене мест». Мы вместе или поврозь побывали с рюкзаком за спиной на Кавказе, Тянь-Шане, Приполярном Урале, Карпатах, Карелии и снова на Кольском (теперь уже в летних байдарочных походах). Не оставили без внимания Белорусское Полесье, Архангельскую глухомань, Среднерусские просторы, Литовский озерный край. А недавно мы на морском круизном лайнере обогнули Европу. Вместо леденящей стужи «белого безмолвия» – яркие краски южных городов, вместо промозглого спальника в продувной палатке – комфортабельная каюта, вместо консервированной тушонки – средиземноморские деликатесы. Вот такая эволюция...

УВЛЕЧЕННЫЙ МИРОМ

Памяти профессора В.С. Бескова (14.08.1937-09.06.2010)

А.П. Жуков

Менделеевке безусловно повезло с тем, что в 1980-х выпускник (1960г.) кафедры технологии изотопов и особо чистых веществ Владимир Бесков принял предложение ректората и возглавил кафедру ОХТ. Молодой профессор занял достойное место в галерее славных имен, несших студентам всех специальностей знания химической технологии, курса и фундаментального, и основополагающего для любого специалиста химической технологии. Среди его великих предшественников В.П. Пантелеев, К.Ю. Зограф, И.А.Тищенко, Н.Ф. Юшкевич, М.П. Дукельский, А.Е. Маковецкий, Н.М. Жаворонков, Д.А. Кузнецов, А.Г. Амелин. Более чем вековая история ОХТ (курса и кафедры), к сожалению, до сих пор детально еще не изучена.

Большим плюсом зав. кафедрой ОХТ В.С. Бескова было четкое, не кабинетно-виртуальное знание химического производства. Это не удивительно, он вышел (как специалист высшей квалификации) из школы знаменитого каталистика Героя Социалистического Труда, действительного члена АН СССР, профессора Георгия Константиновича Борескова, одного из основателей менделеевского физхима. В школе жизни В.С. кроме Миус были и такие классы, как Институт катализа Сибирского отделения АН СССР (где сживали не только «Под интегралом»), ГИАП (в Москве на Земляном валу). На ОХТ-МХТИ В.С. Бесков сменил гиганта - сер-

нокислотчика А.Г. Амелина, одного из отцов до сих пор не реализованной (отчего!) идеи о H_2SO_4 - цехе-автомате (нажал на кнопку, как пели в советской Одессе, «чик-чирик» – и миллион-другой тонн олеума на гора пошел). Следует заметить, что пришел В.С. Бесков на кафедру один, как никто, только с ворохом идей в голове и контактами по делам научным. Трудоголик, вне всякого сомнения, сын своего отца, известного московского профессора химии, на ком природа не успела отдохнуть.

Кладезь идей, порой фонтан их просто бил. По Менделеевке по сей день гуляет такая притча. Один из сотрудников ОХТ переходил в другую организацию, и кто-то посетовал, что мы теряем генератора идей. На что всегда мягкий в выражениях Бесков ответил, как отрезал: «Идей-то у каждого из нас – немерено. Вот только работать некому!»

В перевернутом бинокле времени уже виртуальная фигура Бескова идет на закат к горизонту. Виден только абрис, без тени узнавания – походка, приглушенное покашливание заядлого курильщика, незатейливый костюмчик на плечах. Много путей по жизни пройдено, и нам, земным, осталось лишь одно – память, наша память.

Увлеченный миром, во многом родом из Менделеевки, с Миус, он очень любил дорогу: поход, привал, костер, песню в ночи (сам не солировал). Спортивное ориентирование было в чести менделеевцев

тех лет – Владимир Кудрявцев, Борис Огородников, Богдан Садовский, Лариса Владимировна. (Из походной жизни вынес навык мыть посуду в любом состоянии, даже утром, с раскалывающейся от вчерашнего головой – качество настоящего мужчины и химика).

На местности Владимир Бесков ориентировался отлично в любой ситуации. В начале 90-х прошлого века в первый же день пребывания в **Дамаске**, поздним зимним (оттого и темным) вечером, «почитав» минут десять плансхему города, он предложил совершить вылазку к башне на древней крепостной стене. Там, согласно новозаветной легенде, в корзине булочника, первые христиане спасали новообращенного Савла из мытарей, в будущем известного под именем Павел, апостола. Авантюра чистой воды, карту, конечно же, забыли в номере, но мы с Бесковым прошли через весь незнакомый город от гостиницы «Тешрин» до пустой, но открытой в ночи армянской апостольской церкви (храмы на Востоке не закрывают на запоры), убедились, что достигли цели (о чем свидетельствовали иконы-барельефы на стенах с апостолом в спускаемой корзине), отметились в книге «ночных посетителей» и вернулись в тиши арабской ночи другой дорогой в наш отель. Память В.С. не подвела.

В **Иркутске** времен советского раздора в 1988 г. в свободный день работы совеща-

ния заведующих кафедрами ОХТ и ПАХТ – оказались на Байкале, в районе станции «Байкал» Кругобайкальской ж/д. Сентябрь, холодно, температура воды не выше 8 градусов, но «славное море» звало, в воду озера залезло трое, дольше всех продержался на плаву В.С (Юрий Иосифович Дытнерский, знаменитый, в том числе и по делам спортивным, профессор Менделеевки, в воду не полез). Самым сложным оказался выход на берег – наверху, на путях железной дороги стояли ученики младших классов местной школы, молча, но не мрачно предвкушая зрелище выхода незнакомцев «les puec» из «священного моря».

В **Якутске**, за тридевять земель от Миус, с удовольствием читал курс лекций. Приехал и в приватном разговоре за стаканом чая рассуждал о вечной мерзлоте, архитектуре Якутска, перспективах клонирования мамонта... Уметь бы только слушать.

В **Ташкенте** отказался от ужина в популярном ресторане, предпочел чай в «Голубых куполах» и скромный стол в узбекской патриархальной семье в неблизком пригороде. Популярно и доходчиво объяснил младшим коллегам, отчего принял такое решение.

Сцену покупки Бесковым ранней зелени на Алайском базаре в Ташкенте можно продать сценаристам. Травку Бесков, как былой сибиряк, уважал. Идет он по длинному торговому ряду с пожилыми, прожаренными солнцем, корейками из колхоза «Политотдел» и, предвкушая будущее застолье, выбирает два влажных пучка зелени.

- Сколько?

- 20 копеек... - пучки летят в пластиковый пакет.

Чуть сзади идет доцент И.А. с ПАХТа, долго выбирает, спрашивает, как называется каждая травка и с чем ее едят. «Политотделовки» без эмоций, но отвечают. Бесков увеличивая скорость, проходит весь ряд, никого не обижая берет по два пучка каждой травы. А любознательный И.А. на свой очередной вопрос вдруг слышит на корявом русском: «А его не едят...»

- А что же с ней делают?!

- Красоту наводят, брови натирают, – открывает секрет старушка...

В **Бородине** после уникальной, но непонятной для сирийских арабов и индийца экскурсии по полю великой битвы В.С. удивил гостей наваристой золотистой ухой, сваренной для нас Можайской знаменитостью – известным стоматологом «Золотым зубом» - А.Ф. Ковалевым. Думаю, до конца жизни эти восточные люди будут вспо-

минать фантастический вкус русской ухи (с головешкой и стаканом кагора), отведанной в запретной зоне на берегу Можайского моря...

В последние годы жизни появилась еще одна географическая точка в жизни профессора – **Воскресенск**. Места вроде бы не очень дачные, да и «большая химия» рядом, но захотелось покопаться в земле, а выбора большого не было. Купил небольшой участок да и прикипел. Потом перетянул друзей, стал фанатом крестьянского труда.

На 94 км Савеловской дороги на одном из садовых участков «Менделеевец-2» плохо рос чахлый куст колючего жасмина, привезенный когда-то В.С. Бесковым из воскресенского сада. Уже хотел хозяин выкорчевывать капризное растение, да вдруг в июне прошлого года невзрачный куст зацвел мягкими нежными, по-особому белыми цветами. И должен был Владимир Сергеевич увидеть эти цветы. Да...

Дорогие друзья и коллеги!

Сердечно поздравляем сотрудников и студентов кафедры кибернетики химико-технологических процессов МХТМ им. Д.И. Менделеева с 10-летним юбилеем. Особенно поздравляем Виктора Вячеславовича Кафарова - организатора и заведующего плен-корреспондента АН СССР.

Кафедра кибернетики химико-технологических процессов сформировалась за небольшой срок и уже под руководством Виктора Вячеславовича Кафарова и коллектива специалистов для химико-технологических процессов.

Виктор Вячеславович Кафаров, Дорогие друзья и коллеги, дальнейшей научной деятельностью и в подготовке кадров народного хозяйства. Желаем всем Вам крепкого здоровья, большого счастья и дальнейших успехов. Желаем, чтобы наши научные связи стали более крепкими.

Зам. директора Института катализа СО АН СССР
зав. отделом моделирования каталитических процессов
член-корреспондент АН СССР

Смирнов (М.Т. Смирнов)

Секретарь парторганизации
Кандидат хим. наук

Бесков (В.С. Бесков)

Председатель местного
Кандидат хим. наук

Малахов (В.В. Малахов)

Редкий автограф В.С. Бескова